

**АНДРЕЙ
ФУРСОВ**

**МИРОВАЯ
БОРЬБА
АНГЛОСАКСЫ
ПРОТИВ
ПЛАНЕТЫ**

ИГРЫ МИРОВЫХ ЭЛИТ

Игры мировых элит

Андрей Фурсов

**Мировая борьба.
Англосаксы против планеты**

«Книжный мир»

2017

Фурсов А. И.

Мировая борьба. Англосаксы против планеты /
А. И. Фурсов — «Книжный мир», 2017 — (Игры мировых элит)

ISBN 978-5-8041-0861-9

Новая книга Андрея Фурсова посвящена мировой борьбе за власть, информацию и ресурсы. Центральное место в работе занимает проблема борьбы англосаксов за мировое господство и противостояние им России. Мировые войны двадцатого века, роль Великобритании и США в создании нацистской Германии, глобальная Холодная война, Ялтинский мир и послеялтинский хаосопорядок – вот основные темы издания. Среди вопросов, над которыми размышляет автор, следующие: в чем различие и сходство Первой мировой войны и Второй? Почему началась Холодная война? Почему для англосаксов Россия всегда была и останется врагом № 1? И самое интересное для современного читателя: каким будет мир в двадцать первом веке? Академик Фурсов утверждает: это будет мир борьбы – той борьбы, которая начинается сегодня сирийским и украинским кризисами.

ISBN 978-5-8041-0861-9

© Фурсов А. И., 2017
© Книжный мир, 2017

Содержание

Предисловие	6
Европейская система государств, англосаксы и Россия (предисловие к «Хрупкому балансу» Людвига Дехийо)[1]	8
I	8
II	10
III	12
IV	16
V	20
VI	22
VII	24
Мировые геополитические шахматы: чемпионы и претенденты (вместо послесловия к «Хрупкому балансу» Людвига Дехийо)[3]	28
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Андрей Фурсов
Мировая борьба.
Англосаксы против планеты

© А. И. Фурсов, 2017
© Книжный мир, 2017

Предисловие

В сборнике, который читатель держит в руках, представлены мои работы разных лет, посвящённые мировой борьбе (немцы отчеканили бы: *Weltkampf*) за власть, информацию и ресурсы. Прав Гераклит: борьба (война) – отец всего. Так вышло, что главной осью мировой борьбы двух последних столетий – со всей очевидностью после окончания Наполеоновских войн – является борьба англосаксов против России. Англосаксов – это Великобритания, затем к ней присоединились США. Но дело не только в государствах, в англосаксонских «кузенах», с которыми с конца XIX века, после столетия вражды, связан еврейский финансовый капитал – сначала это были Ротшильды и их компаньоны, потом добавились американские и некоторые иные контрагенты. Дело также в ориентирующемся на Англосферу финансовом капитале и закрытых наднациональных структурах мирового согласования и управления, представленных почти до самого конца XIX в. масонством.

Именно в процессе борьбы с Россией в 1820-1830-е на Западе сформировался трёхглавый монстр, эдакий западный Змей-Горыныч: государство (Великобритания) – финансовый капитал (Ротшильды) – масонство. Головы Змея существовали как сами по себе, так и сливаясь, проникая друг в друга – нечто похожее на чудовище из фильма «*The Thing*» («Нечто»). Употребляя метафоры «монстр», «чудовище» я ни в коем случае не демонизирую этих врагов России, часть которых временами превращалась в нашего тактического союзника, – это когда головы начинали грызться друг с другом или когда рядом с «головой» – государством пыталась вырасти ещё одна (как минимум) государственная «голова». Однако в долгосрочном историческом, системно-стратегическом, цивилизационном и даже классовом плане, несмотря на эти моменты неискреннего союзничества англосаксов с исторической Россией, как бы она ни называлась, сохранялся характер противостояния, цель которого – окончательное решение русского вопроса. Как заметил Л. В. Шебаршин, Западу от России нужно одно – чтобы её не было.

Кто-то удивится – как же так: мы же европейцы, как и они; белые люди, как и они; христиане, как и они. Всё так. Но именно поэтому – европейцы, белые, христиане, – но не как они. Да, мы европейцы, но не западные (кстати, ни в коем случае нельзя отдавать Западу нашу европейскость, радостно вопя: мы – евразийцы, мы азиаты; Европ – несколько: античная, ромейская, западная/франкская и русская – северо-восточная); да, мы христиане, но православные, а не отколовшиеся по причинам политики и папской гордыни от ортодоксального древа католики и тем более не протестанты, эти максимально иудаизированные христиане. Что касается белого цвета кожи, то, во-первых, как показал опыт нацизма, западноевропейцы легче признают «почётными арийцами», т. е. белыми, японцев, чем русских, т. е. чужих. Русские – похожие, свои, а потому для западной Матрицы, для её хозяев в известном смысле хуже, чем чужие – они чуждые именно своей похожестью и в своей похожести; впрочем, хозяева Матрицы часто не вполне европейцы (по корням) и тем более не вполне христиане, иногда совсем наоборот – и это ещё больше усиливает чуждость и неприязнь. Во-вторых, вероятнее всего, очень скоро средний европеец перестанет быть и христианином, и белым – дело защиты европейских традиционных ценностей, христианства и белого генотипа, похоже, перемещается в Россию – несмотря, а возможно, и вопреки той ситуации, которая у нас складывается.

Впереди – борьба. Борьба за русских, за Россию, за европейские ценности, за то, чтобы не исчез белый генотип – у него не меньше прав, чем у иных генотипов и рас, мы – русские – за равноправие, мы не торговали рабами, не строили своё счастье на слезинке африканского ребёнка, не сталкивали в наркозависимость китайчонка и не расстреливали, призывая к жерлам пушек, индийцев. Это не значит, что мы – добрые и пушистые, но мы

живём в недобром мире и нож за голенищем сапога не помешает – уж больно «партнёры» ненадёжные, мягко говоря. Ведь вешал же «наш друг музыкант» Бжезинский что-то вроде того, что мир XXI в. будет построен на руинах России, за счёт России и в ущерб России. «А не подавишься, Идолище?» – говаривал в таких случаях Илья Муромец. Впрочем, какое из злобного польско-еврейского политолога Идолище? Так, бесёнок с насморком. Но в данном случае устами бесёнка вскрываются планы тех, кто видит мир без России, а значит впереди борьба. И сборник этот посвящён истории борьбы между различными субъектами (или, как говорят учёные люди, «акторами») – государствами, капиталом, наднациональными структурами, главным образом – борьбе России с ними, хотя, разумеется, сводить всю мировую борьбу к противостоянию России и Запада было бы ошибочным преувеличением. В то же время Россия была и остаётся единственной державой, способной «уронить» коллективный Запад. В 1965-1975 гг. это едва не стало реальностью, однако глупость и предательство (уже тогда) части советского руководства, похоронившей блестящие проекты в области управления, энергетики и обороны, позволившие бы надолго, если не навсегда уйти в отрыв от Запада, и хитроумие определённой части западной верхушки («разрядка», «конвергенция», резкий взлёт цен на нефть) не позволили этого сделать – шанс был упущен. И сегодня именно не Китай, а Россия остаётся в глазах Запада главной угрозой, а способность русских подниматься и бить врага в самых тяжёлых условиях остаётся нашей главной «военной тайной», которую не могут и никогда не смогут разгадать буржуины и их российские холуи – для этого им нужно перестать быть буржуинами и холуями.

Считаю необходимым предупредить читателя о двух вещах. Во-первых, я писал статьи в разное время для разных аудиторий, и поэтому в более поздних статьях использовал фрагменты статей более ранних. В связи с этим в тексте сборника есть повторы. Устранять их я не стал, поскольку это нарушило бы целостность восприятия каждого из текстов. Во-вторых, сборник построен по хронологическому принципу, но по хронологии не времени написания той или иной работы, а событийно-исторической. Так, работа по механизму возникновения Первой мировой войны написана значительно позже статей по Второй мировой и Холодной войнам. Однако Первая мировая была раньше, а потому и текст о ней идёт раньше. В этом есть свои минусы, но и плюсы тоже. Как говорят наши заклятые друзья англосаксы, «every acquisition is a loss and every loss is an acquisition» – «каждое приобретение есть потеря и каждая потеря есть приобретение». Кстати, в их истории приобретений до сих пор было больше, чем потерь – так они расположили ось геополитической и психоисторической борьбы. Эту ось надо сдвинуть. Как? Очень просто. Изменив направление удара – самым неожиданным для противника образом, нанося безжалостный удар из Будущего. А для этого нам необходима наука о борьбе – махиология. Как руководство к действию, к которому обязывает знание.

А. И. Фурсов

Европейская система государств, англосаксы и Россия (предисловие к «Хрупкому балансу» Людвиг Дехийо)¹

I

Работа над книгой Дехийо – перевод, комментарии – начиналась в 2004 г., а завершается в 2005. На оба эти года приходятся важные исторические даты. Если говорить о 2004 г., то это год 90-летия начала Первой мировой войны; 150-летия первой русско-западной войны в рамках Крымской; 60-летия открытия «второго фронта», когда союзники СССР по антигитлеровской коалиции поняли, что русские и в одиночку дождут Третий рейх. 2005 г. – это год 60-летия победы СССР в Великой Отечественной войне, когда советский солдат сломал хребет Третьему рейху. Собственно, этому солдату и его Победе мы и посвящаем перевод «Хрупкого баланса» и комментарии к нему.

Все названные выше события имеют прямое отношение к борьбе за господство в Европе, которая развернулась с XVI века и окончилась в 1945 г. или даже в отрезке «декабрь 1989 г. (15 лет назад) – май 1994 г. (10 лет назад)», между мальтийской встречей Буша и Горбачёва, на которой первый и последний президент СССР, похоже, сдал Западу почти всё, что можно было сдать и поставил крест на ялтинском мироустройстве, и выводом российских войск из Германии под «изящные» взмахи палочкой не вполне крепко стоящего на ногах дирижёра Ельцина.

Со времён Карла V Габсбурга Европа стала превращаться в центр мира. С XVII века она уже обладала многими чертами ядра мировой капиталистической системы, и борьба за господство в этом ядре была, помимо прочего, борьбой за гегемонию в формирующейся мировой капиталистической системе. Правда, с появлением в XVIII в. новой великой державы – европейской по социо-культурной принадлежности и евразийской географически – России, исход борьбы за господство в Европе во многом стал определяться позицией России, которая в мировых войнах выступала на стороне морских англосаксонских держав (Великобритании и США) против их континентальных соперников (Франция, Германия). Отклонения от этого курса – например, сближение Павла I и Наполеона в 1800-1801 гг. и Сталина и Гитлера в 1939-1941 гг. – лишь подчёркивают указанную регулярность.

В любом случае, с середины XVIII века русский фактор стал одним из решающих в европейской политике, и дальновидные люди – Гиббон, а в начале XIX в. Наполеон, де Токвиль и другие заговорили о том, что в будущем судьбы Европы и мира станут определяться взаимоотношениями России и США, а Европа, так сказать, «закатится». Так оно и вышло. Когда в 1918 г. Шпенглер опубликовал свой «Закат Европы», она действительно уже «закатывалась». И хотя финал этого процесса наступил в 1954-1956 гг. под Дьен Бьен-фу и во время Суэцкого кризиса, в 1918 г. история уже предъявила Европе «чёрную метку». Точнее, от имени истории это сделали США, должником которых оказались европейцы, включая недавних гегемонов мировой системы англичан. После Второй мировой войны Европа вообще оказалась поделена на зоны влияния (по сути – протектораты) США и СССР и началась первая фаза – биполярная – постевропейской всемирной истории, окончившаяся уже на наших глазах в течение «пяtilетки» 1989-1994 гг.

¹ Опубликовано в: Дехийо Л. Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за господство в Европе. М, Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 27–48.

2004 год, на который пришлось сразу несколько памятных дат борьбы за господство в Европе, великих противостояний в ней и по поводу неё – хороший повод вспомнить об этой борьбе, взглянуть на неё внимательнее.

II

О борьбе за господство в Европе написаны тысячи монографий и статей. В них анализировались отдельные периоды, отдельные войны или даже отдельные сражения, не говоря уже об отдельных лицах – полководцах, политиках, разведчиках. Есть замечательные панорамные работы, посвящённые отдельным векам (Европа XVI в., XVII в. и т. д.). Есть целые серии, охватывающие европейскую историю с позднего средневековья вплоть до наших дней; тома этих серий посвящены как эпохам, так и отдельным периодам – например, Европа в 1598-1648, в 1783-1815 или 1878-1919 гг. (многотомные общая, экономическая и военная истории Европы издательства «Fontana», цикл работ Э. Хобсбоума о XIX–XX вв., трёхтомное исследование Ф. Броделя о Средиземноморье в эпоху Филиппа II, исследование Б. Ф. Поршнева о XVII в. и многие другие). В них значительное место уделено борьбе за мировое и европейское господство.

Думается, однако, нашего читателя заинтересует не столько специализированное или ограниченное относительно узкими хронологическими рамками исследование, сколько максимально широкая панорама борьбы за господство, представленная в долгосрочной перспективе.

Есть два способа смотреть на реальность, в том числе историческую. Один – вид вблизи, при котором замечается масса мельчайших деталей. Это приносит моральное и профессиональное удовлетворение, ощущение владения материалом или даже власти над ним. Однако, как говорят англосаксы, *“every acquisition is a loss and every loss is an acquisition”* («каждое приобретение есть потеря и каждая потеря – приобретение»). Становясь «властелином» всё более мелких и мелких «колец» материала, исследователь рано или поздно оказывается в ситуации того, кто знает всё больше и больше о всё меньшем и меньшем.

Существует и иной подход – «вид с высоты». Именно так называется знаменитая книга американского фантаста (и биохимика по профессии) А. Азимова, опубликованная в 1964 г., (русский перевод – М.: Мир, 1965. 234 с.). В ней дан общий обзор ситуации в биологии, химии, физики и астрономии на конец 1950-х годов. При таком подходе, безусловно, упускаются из виду детали, факты, лица. Выигрыш, однако, очевиден – общая картина в целом с основными тенденциями. Именно целое определяет элементы, а не наоборот, ну а тенденции важнее отдельных фактов. Факты создают люди – исследователи, выделяющие из единого и цельного потока жизни (истории, развития) те или иные его части; при этом и выбор части, и её очертания, и само выделение как акт объективно зависят как от дисциплины, к которой принадлежит исследователь, так и от теории, которой он пользуется. Как проницательно заметил Эйнштейн, увидите вы или нет то или иное явление (факт), зависит от того, какой теорией вы пользуетесь. О доле субъективизма я уже и не говорю.

Другое дело – тенденции, т. е. широкомасштабные и долгосрочные регулярности. Они существуют объективно (хотя и фиксируются абстрактно). Или, как минимум, их намного труднее «подделать», они обладают высокой сопротивляемостью как к субъектному, так и к «дисциплинарно-теоретическому насилию». Отсюда – по закону обратной связи: если в фактах, дискретных кусочках информации легко запутаться, то тенденции могут стать путеводной нитью. Мастер плавания в потоках информации и ныряния в её глубины – Аллен Даллес – так говорил об этом: *«Человек не всегда может правильно оценить информацию, но может уловить тенденции и сделать правильные выводы»*. Потому-то именно анализ тенденций всегда был главной задачей разведки: *«Разведка – не для пожарно-справочных функций, – подчёркивают А. Г. Шаваев и С. В. Лекарев, – её предназначение – улавливать и обобщать тенденции»*. Предназначение науки – в том же.

Об истории борьбы за господство в Европе **в целом**, о долгосрочных тенденциях этой борьбы с позиции «взгляд с высоты» написано немало замечательных книг. Перечислить всё или бóльшую часть невозможно, да и не нужно. Назову несколько наиболее известных и, на мой взгляд, наиболее интересных.

«Борьба за господство в Европе, 1848-1918» знаменитого английского историка А. Дж. П. Тэйлора (М., 1957); «Дипломатическая история Европы» А. Дебидура (М., 1947. Тт. 1, 2.); «Влияние морской силы на историю, 1660-1783» (М., СПб., 2002) и «Влияние морской силы на Французскую революцию и империю» (М., СПб., 2002. Т. 1, 2.) А. Т. Мэхэна; «Морская война» Ф. Коломба (М., СПб., 2003), «История войн на море» А. Штенцеля (М., СПб., 2002. Т. 2.); «Хрупкий баланс: четыреста лет борьбы за господство в Европе» Л. Дехийо (Dehio L. "Precarious balance: four centuries of the European power struggle, N.Y., 1962; оригинальное немецкое издание – 1948); «Борьба за стабильность в Европе в раннее новое время» Т. Рабба (Rabb Th. The struggle for stability in early Modern Europe. Oxford, 1975); «Погоня за властью» У. Макнила (McNeill W. Pursuit of power. Chicago, 1982); «Военная революция: военные нововведения и подъём Запада» Дж. Паркера (Parker G. The military revolution: Military innovation and the rise of the West, 1500-1800. Cambridge, 1986); «Длинные циклы мировой политики» Дж. Моделски (Modelski G. Long cycles of world politics. L., 1987); «Длинные циклы: процветание и война в современную эпоху» Дж. Голдстейна (Goldstein J. Long cycles: prosperity and war in the Modern Age. Yale, 1988); «О глобальной войне: историко-структурные подходы к мировой политике» У. Томпсона (Thompson W. On global war: Historical-structural approaches to world politics. University of South Carolina, 1988); «Насилие, капитал и европейские государства» Ч. Тилли (Tilly Ch. Coercion, capital, and European states, 990-1990. Oxford, 1990); «Взлёт и падение великих держав: экономические изменения и военный конфликт с 1500 по 2000» П. Кеннеди (Kennedy P. The rise and fall of the great powers: economic change and military conflict from 1500 to 2000. N.Y., 1988), «Щит Ахилла: война, мир и ход истории» Ф. Боббита (Bobbitt Ph. The shield of Achilles: War, peace and course of history. – N.Y., 2002) и ряд других изданий как на английском, так и на немецком и французском языках.

Читатель уже понял, что книги, названия которых даны и по-английски, не переводились на русский язык. Мы долго выбирали из них и наконец остановились на «Хрупком балансе» Л. Дехийо. Нам хотелось предложить читателю такую работу, которая охватывала бы несколько последних столетий, давала широкую, захватывающую панораму геополитической и военно-стратегической борьбы в Европе, чётко фиксировала тенденции и логику этой борьбы и в то же время не превышала бы трёх-четырёх сотен страниц. И чтобы автор был известный и сильный. Кроме того, хотелось бы со временем познакомить читателя со всеми этими работами, а потому логично начать с наиболее ранней из непереверждённых книг, представленных в списке.

III

Людвиг Дехийо родился в 1888 г. в Кёнигсберге, образование получил в Берлине и Страсбурге. В 1922 г. он начал работать в Секретном государственном архиве (Берлин), а в 1933 г. стал директором Архивов дома Гогенцоллернов. С 1946 по 1958 г. Дехийо служил директором Немецких государственных архивов в Марбурге-на-Лане, с 1948 по 1956 г. был главным редактором престижного журнала немецких историков «Historische Zeitschrift». Среди его работ – «Германия и мировая политика в XX веке» (1959) и «Хрупкий баланс» (1948/1962).

Сверхзадача «Хрупкого баланса» – показать, как и почему в середине XX в. Европа и мир пришли к ситуации раздела на американскую и русскую зоны влияния, когда Европа утратила не только свою доминирующую роль, но и просто самостоятельность в мировой политике. Логически, в известном смысле, речь идёт о геополитическом аналоге шпенглеровского «Заката Европы».

Книга Дехийо написана с характерной для немецкого склада ума, немецкой интеллектуальной традиции ясностью и чёткостью. Начав с возникновения системы государств в Европе (гл. I), учёный исследует основные фазы борьбы за господство в этой системе: при Филиппе II во второй половине XVI в. (гл. I), при Людовике XIV (вторая половина XVII – начало XVIII в. – гл. II), при Наполеоне (гл. III) и при двух немецких рейхах – Вильгельма II и особенно Гитлера (гл. IV).

В своей работе Дехийо предлагает простую и ясную схему перипетий борьбы за господство в Европе в последние 400 лет. По его мнению, с XVI в. в Европе начал складываться уникальный феномен – система государств. Впрочем, у общеевропейского процесса была репетиция в малом, узкорегionalном масштабе – система итальянских городов-государств XIII–XV вв. с особой ролью островной («земноводной») Венеции. Однако именно камерный характер не позволил итальянской системе развиваться и она стала жертвой более крупных политических образований, как это произошло с античными полисами, завоёванными Филиппом II Македонским, отцом великого Александра.

Над возникающей европейской системой государств с самого начала нависла угроза – быть уничтоженной и поглощённой, превратившись в части общеевропейской империи Карла V Габсбурга, чьи владения превосходили по размеру империю Карла Великого. Замечу: по иронии истории, Средневековая Европа заканчивала, а Новая Европа начинала с того, чем заканчивала поздняя Античность и начинало Средневековье – с попытки общеевропейской империи. Империю Карла Великого подорвала феодальная система, империю великого Карла – складывающаяся система европейских государств. В известном смысле оформление последней можно рассматривать как восстание или даже национально-монархическую революцию против общеевропейской империи. В схватке этих двух принципов организации, двух типов систем и родилась новоевропейская история, получившая в момент рождения если не прививку от имперскости, то, как минимум, сильные генетически обусловленные импульс и волю сопротивления ей.

Дехийо, к сожалению, не разбирает подробно самого момента рождения, генезиса системы, который, как известно, определяет в основных чертах её дальнейшее функционирование и упускает из виду, что на исторических весах на чаше системы государств была тяжёлая гиря – формирующийся мировой рынок, адекватной мировой политической формой которой была международная – *international* – система государств (*nations*). Дехийо в целом проскакивает этот момент, уделяя основное внимание не Карлу V, а его сыну – Филиппу II и *sein Kampf* за господство в Европе с европейскими государствами, прежде всего – с Голландией и Англией. В этой схватке в своих основах оформилась западноевропейская модель

борьбы за господство, обладавшая несколькими структурными особенностями, отличиями. Наиболее важны из них следующие.

Первое. В борьбе за господство в Европе (и над Европой) друг другу противостоят континентальные и морские державы (последовательно: Испания (Габсбурги), Франция, Германия, с одной стороны, Голландия, Великобритания и с начала XX в. – США – с другой. После того, как во второй половине XVII в. Англия взяла верх над Голландией, вплоть до наших дней морской (островной) принцип в геополитике воплощают англосаксы (Великобритания и США, с 1917 г., а возможно, чуть раньше – США и Великобритания).

Указанное противостояние не исключало конфликтов между самими континентальными и между самими морскими державами, однако осевым противоречием системы было такое между морскими и континентальными державами, считает Дехийо.

Второе. В связи с противостоянием морской державы Англии континентальным Испанией, Франции и Германией решающую роль для «моряков» приобретал контроль над устьями рек, впадающих в Северное море, т. е. над прибрежными территориями Голландии и в меньшей степени – Германии. Так «пяточек» старой средневековой Фландрии приобрёл новое кардинально важное геополитическое значение и покушение на него «континенталов» немедленно вызывало бурную реакцию Альбиона и войну. Здесь к тезису Дехийо необходимо добавить, что Англия стремилась контролировать не только устья рек севера Европы, но вообще все выходы в море, особенно в Европе, и стратегически важные острова. *«Англия так любит равновесие на морях, запирая их выходы и бомбардируя мирные чужие пристани»*, вообще закрывая тем самым выход в открытое море всем другим народам Европы, – писал замечательный русский географ и экономист И. В. Вернадский (отец великого геохимика В. И. Вернадского и дед историка Г. В. Вернадского) в работе «Политическое равновесие и Англия» (СПб., 1854; 2-е исправленное издание, 1877)².

Третье. Поскольку объединение Европы в континентальную (полуостровную) империю противоречило интересам морских держав – Голландии, а затем Великобритании, существование именно системы государств, а не единой общеевропейской империи, соответствовало их интересам. Морские державы боролись за сохранение этой системы и всегда выступали на стороне тех европейских государств, которые становились или могли стать жертвами наиболее сильной континентальной державы – претендента на роль имперского объединителя. Так, европейская свобода и само существование системы государств оказалось тесно связано с экономическими и политическими интересами мощнейших морских держав, прежде всего Великобритании. В связи с этим Дехийо уделяет особое место роли морских англосаксонских государств (наций) – Великобритании, а затем США – в развитии европейской системы государств. Англичане и американцы, как пишет автор «Хрупкого баланса», уравнивали континентальные нации Европы, претендовавшие на господство. Последней такой нацией были немцы, и одна из главных задач книги Дехийо – побудить немцев к самоанализу, «оттолкнувшись» от катастрофы поражения в 1945 г.

Четвёртое. Система европейских государств функционировала циклически: периоды острых схваток за господство в ней (Дехийо называет их подъёмом, или вздыманием волн), резкие подъёмы кривой напряжённости, чередуются с относительно спокойными конфликтами, для которых характерны лишь локальные войны (для таких периодов Дехийо использует метафору провала, обрушения, падения волны в глубины).

Волновыми пиками Дехийо считает войны Карла V, Филиппа II, Людовика XIV, Наполеона, Вильгельма II и Гитлера, а периодами спада – провала – отрезки соответственно

² Я благодарен В. Л. Цымбурскому, обратившему моё внимание на эту работу, вскрывающую англосаксонскую тактику «анаконды».

между Карлом и Филиппом (едва заметный), Филиппом и Людовиком, Людовиком и Наполеоном, Наполеоном и Вильгельмом, Вильгельмом и Гитлером.

Схема в целом ясная, хотя некоторые её части выглядят не вполне убедительно. С точки зрения формальной логики, борьба Карла V – это возникновение системы государств, предшествующее её нормальному, «модельному» функционированию (как говорил Гегель, когда вещь начинается, её ещё нет), а потому должна быть вынесена за пределы схемы как акт её творения, как нечто вроде её Большого Взрыва. Трудно сказать, что было более важным испытанием для Европы – «большая стратегия Филиппа II» (Дж. Паркер) или Тридцатилетняя война (1618-1648). Семилетняя война (1756-1763) – это «гребешок» посреди провала или же отрезок, формирующий вместе с революционно-наполеоновскими войнами ещё одну тридцатилетнюю войну за господство в Европе – англо-французскую? Некоторые историки весь период 1914-1945 гг. выделяют в качестве ещё одной тридцатилетней англосаксонско-германской войны за европейское и мировое господство, благодаря чему осью всей истории борьбы за гегемонию в Европе (и мировой системе) оказываются тридцатилетние мировые войны. Иными словами, есть о чём поспорить и поразмышлять, и мы обязательно сделаем это в послесловии.

Пятое. Анализируя механизм воспроизводства, самосохранения и побед европейской системы государств над теми, кто покушался на неё (от Карла V до Гитлера), Дехийо особо подчёркивает роль и значение такого фактора – и это одна из самых сильных и интересных сторон его книги и схемы – как внезападноевропейские державы, империи: сначала (в XVI в.) – Османская, а с XVIII в. – Российская.

Заклучив союз с султаном Сулейманом II Кануни («Законодателем»; в Европе больше известен как «Великолепный») – мусульманином – против христианского государя Карла V, христианский государь Франциск I сделал исключительно важный вклад в новую модель борьбы за господство в Европе. Теперь внешняя по отношению к Европе держава стала выступать союзником системы государств против внутриевропейских имперско-объединительных поползновений. А следовательно, и одним из гарантов самого существования европейской системы государств и европейских геополитических свобод. В XVIII в. Османскую империю сменила Россия, империя намного более крупная и могущественная.

Можно с уверенностью сказать: с появлением в начале XVIII в. сокрушившей шведов по-настоящему континентальной, т. е. евразийской Российской империи континентально-имперская интеграция полуострова Европа стала невозможной.

Таким образом, с середины XVIII в. («Семилетняя война») и со всей очевидностью с Наполеоновских войн у европейской системы государств, помимо морской (островной) державы, появился мощный континентальный гарант. При этом интересы данного внешнего «гаранта» по сохранению европейской системы государств с её геополитическими свободами совпали – Дехийо хорошо показывает это – с интересами и *raison d'être* системы в целом и с интересами другого внешнего гаранта – Великобритании. Поскольку системно-европейские («антиимперские») интересы Великобритании и России совпадали, то неудивительно, что в войнах против **европейских** «континенталов» «островитяне-моряки» и континенталы **евразийские** выступали как союзники. Однако в межвоенные периоды союз быстро сменялся противостоянием Великобритании (а затем США) во главе европейской системы государств и России (а затем СССР).

Верно отмечая возникновение уже с 1710-х годов в скрытой форме, а с 1810-х годов – в открытой англорусского конфликта, фиксируя параллелизм и сходство в развитии Великобритании и России, Дехийо, к сожалению, не останавливается на этом евразийском конфликте подробно. Понятно, что немецкого учёного интересует прежде всего европейская система государств, именно она есть предмет его исследования. И всё же с XIX в. ситуацию в этой системе начинает определять евразийское соперничество Великобритании и России

(конкретный пример – Крымская война, представляющая собой первую возглавляемую Британией общезападную войну против России), а с 1945 г. – мировое соперничество США и СССР. По иронии истории победа над Гитлером означала автоматически уничтожение европейской системы государств как значимой. Не является ли Евросоюз попыткой возродить эту систему в иную эпоху и на иной, экономической, основе?

IV

Исторически связав европейские геополитические свободы с англо-американцами и исходя из того факта, что Европа после 1945 г. стала элементом атлантической системы Большого Запада, Дехийо рассматривает историческую драму борьбы за господство в Европе не столько с немецких позиций, как этого можно было бы ожидать от немецкого интеллектуала и чиновника, сколько с общеевропейских, в которых в целом чувствуется симпатия к англичанам и особенно американцам, перерастающая в идеализацию, со всей очевидностью противоречащую реальности. Дехийо словно забывает о корыстном национальном интересе тех же англичан. *«Странное политическое равновесие!»* – писал в 1854 г. И. В. Вернадский. – *Уже более века, как Англия постоянно и везде увеличивает свои владения и своё влияние, тогда как все государства Западной Европы теряют и то и другое, а все ещё говорят о равновесии»,* в рамках которого Альбион душил их в объятиях.

Подход немецкого историка к англосаксам логически вытекает из идеализации Дехийо островного (морского) принципа. *«В течение столетий, – пишет автор «Хрупкого баланса», – островное положение выступало щитом для этого духа, который на тёмном фоне тоталитарной бесчеловечности вновь наделил англоязычные народы, хотя и столкнувшись с серьёзными трудностями, нимбом человечности. Лишь использование ими атомного оружия подпортило их репутацию».* По Дехийо выходит, что бомбардировка Хиросимы и Нагасаки лишь «подпортила репутацию». Так, пустячок.

Дехийо почему-то забывает и о массированных бомбардировках англосаксонскими союзниками немецких городов в конце Второй мировой войны. Эти бомбардировки не диктовались военной необходимостью, их целью было уничтожение, во-первых, городов и промышленного потенциала, во-вторых, гражданского населения. Эта вторая цель была проста: путём уничтожения гражданского населения (особенно женщин и детей – «психоудар» по мужчинам) заставить его, прежде всего мужчин, выступить против Гитлера. По подсчётам немецкого исследователя В. Г. Зебальда, в последние годы войны союзники сбросили на мирное население 131 города по сути уже поверженной Германии около 1 млн. бомб; количество жертв составляло 600 тыс.; было уничтожено 3,5 млн. домов, в результате чего 7,5 млн. человек остались без крова. Эти бомбёжки не подпортили репутацию англосаксов?

По тому же принципу американцы в 1970-е бомбили Вьетнам и Камбоджу, а в течение трёх месяцев 1999 г. – Югославию удары; наносились не по военным объектам (разрушено лишь 5 %), а по промышленным (разрушено до 70 % плюс 90 % мостов) и мирному населению. Целью «психоудара» было заставить людей перестать поддерживать Милошевича, вынудить его уйти.

Тех, кто отдал приказ об атомной бомбардировке японских городов, нужно было судить так же, как судят военных преступников. (И так же необходимо судить тех, кто отдавал приказ бомбить мирное население Вьетнама, Камбоджи и Лаоса, а в наши дни – Югославии.) Однако победителей не судят, и Дехийо, к сожалению, с ними. Он полагает, что до Хиросимы англоязычные народы вершили только благо и не совершали никаких преступлений против целых обществ. Ясно, что это не так: достаточно вспомнить действия американцев против индейцев – кто не слеп, тот видит. Однако Дехийо, как и многие европейцы, фиксирует внимание лишь на европейской арене, не принимая во внимание то, что творили англичане по отношению к африканцам, коренным жителям Австралии, индийцам, китайцам, которых они ради своей прибыли стремились превратить в нацию наркоманов, а американцы – по отношению к индейцам и приведённым из Африки рабам. Впрочем, речь должна идти не только об индейцах. В 1764 г., выступая в парламенте, граф Чэтем цинично спросил: *«Что*

было бы с Англией, если бы она всегда была справедлива в отношении Франции?» («и в отношении к другим странам» – добавляет уже цитировавшийся мной И. В. Вернадский).

Дехийо пишет, что основной элемент островного принципа – свободный и гибкий человеческий дух, тогда как развитие континентального принципа в конечном счёте ведёт к появлению жестокой и обезличенной государственной машины. Не будем спорить о «свободном английском духе» – он есть и достоин уважения. Но есть мнение, что у английского духа, как и у всего в мире, имеется обратная сторона. Ещё раз обратимся к И. В. Вернадскому: *«Понимая чуждой эгоизм, англичанин, в то же время, и уважает его в душе, и готов сочувствовать чуждому успеху, если только этот успех не вредит его интересам. Таким образом, нигде нельзя встретить такого почтения к богатству и знатности, и такого презрения к бедности и низкому положению лица в обществе, как в этой либеральной стране. Правда, в этом почтении нет низкоклонства, не допускаемого самолюбием, которым проникнуто неприкосновенное я англичанина; но, тем не менее, оно поражает каждого, кто имел случай видеть и наблюдать этот народ».*

Но дело даже не в этом. Удивительно, что Дехийо упускает из виду другой факт: морские (островные) государства были колониальными империями. Политико-экономической гарантией и *conditio sine qua non* свободы островного духа была жестокая эксплуатация колоний и полуколоний – достаточно вспомнить ограбление Индии, ввоз опиума англичанами в Китай в XIX в., приведший к двум опиумным войнам, жестокости в Ирландии. Экономическим фундаментом английских свобод и процветания в новое время было, как и экономическим фундаментом свободы свободных в Афинах и Риме, рабство, только вынесенное за пределы острова. Отрывать морские державы от их колониальных империй и в таком искусственном изолированном виде противопоставлять Германии или России с их крепостничеством «второго издания» есть грубая ошибка – логическая, историческая и нравственная.

В равной степени ошибочно противопоставление английского национального государства XVIII–XIX вв. континентальным империям. Это государство было ядром колониально-морской империи. Поэтому правильнее говорить о двух типах империй в новое время; при этом в самой колонии морская империя превращалась по сути в местную континентальную, в континентальный функциональный орган морской империи, доставляющий ей огромные богатства, которые обеспечивали свободы на самом острове. Жаль, что Дехийо не принял в расчёт этот в общем-то очевидный факт.

Когда Дехийо пишет об эпохе после окончания Второй мировой войны, идеализация островного принципа порой, к сожалению, приобретает характер апологии Америки и опасно близко подходит к черте, за которой начинается (про)американская пропаганда времён разгара «холодной войны», а иногда и переходит эту черту. Здесь особенно показателен эпилог, где Дехийо пишет, что после 1945 г. *«Соединённые Штаты осознали свою миссию избавить мир от страданий с помощью духовной и материальной силы, которую они недавно продемонстрировали. Иными словами, Соединённые Штаты поняли, что должны завершить труд Вильсона или, скорее, восстановить то, что ему пришлось оставить в развалинах. «Единый мир» Объединённых Наций должен был стать благом, дарованным человечеству американским веком. Правление мирной демократии во всём мире предотвратило бы возврат политики с позиций силы и всех её ужасов».* Однако этого не произошло, считает Дехийо, из-за того что континентальный СССР навязал США «холодную войну», стремясь измотать американцев и навязать тоталитаризм всему миру (при этом Дехийо сам же признаёт, что политическое освобождение угнетённых и униженных народов Азии, Африки и Латинской Америки связано с подъёмом коммунизма и поддержкой СССР).

По поводу облика послевоенных США, который рисует Дехийо, можно сказать словами Высоцкого: *«Нет, ребята, всё не так, всё не так, ребята».* Начать с того, что именно США в течение всей второй половины XX в. (как, впрочем, и первой) проводили политику с

позиции силы со всеми её ужасами. Это делали как «тихие» американцы, описанные Грэмом Грином, так и «громкие» – бомбя Вьетнам и Камбоджу, высаживаясь на Кубу и в Ливане, поддерживая кровавых диктаторов в Корее и Никарагуа, устраивая перевороты в Гватемале (1953), Иране (1953) и Чили (1973). Там «американский век» вбивался с помощью тайных операций и репрессий (подробнее об этом см. «Почему люди ненавидят Америку» З. Сардара и М. Вин Дэвиса. М.: Проспект, 2003 и «Почему нас ненавидят» знаменитого американского писателя Г. Видала. М.: АСТ, 2003). Да, СССР после войны превратил Восточную Европу в зону своего влияния, в протекторат – но то же самое сделали США с Западной Германией и Японией. Тем не менее, у СССР это объявляется «экспансией», а у США – «маршем демократии», хотя французских и итальянских коммунистов американцы «давили» не меньше, чем советские – своих политических противников в странах Восточной Европы.

По-видимому, именно стремлением «избавить мир от страданий» была продиктована операция «Split» («Раскол», или «Расщепляющий фактор»), проведённая ЦРУ в Восточной Европе в 1947-1949 гг. Суть операции заключалась в следующем: с помощью лжи и фальсификации спровоцировать волну кровавых репрессий в странах Восточной Европы против умеренных социалистических лидеров, способных смягчить сталинскую модель. Задача была простой: способствовать тому, чтобы на место репрессированных умеренных пришли жестокие твердолобые сталинисты, которые должны были исходно придать восточноевропейскому социализму кровавый и жестокий характер и скомпрометировать его в глазах населения (см.: Стивен С. «Операция Раскол». М., 2003). Результат – организованная американцами операция привела к массовым репрессиям, в которых они же обвинили СССР. Однако американцы перестарались. Приняв «Раскол» за чистую монету, Сталин отдал приказ ускорить подготовку к ядерной войне, к наступательным действиям против Западной Европы и Америки. И кто знает, как бы всё сложилось, если бы не смерть вождя.

Впрочем, не только Сталин, но и американцы готовились к ядерной войне, особенно когда у СССР ещё не было ядерной бомбы. Во второй половине 1940-х годов американцы последовательно разработали несколько планов ядерной бомбардировки десятков советских городов и уничтожения почти всей советской промышленности. Речь идёт о директиве Объединённого комитета военного планирования № 432/д (1945 г.), о планах «Чэриотир» (1948 г.) и «Флитвуд» (1948 г.), об оперативном плане ядерной бомбардировки СССР САК ЕВП 1-49 (1948 г.), «Дропшот» (1949 г.). А ведь СССР, не имевший в то время не только ядерного оружия, но и средств их доставки – баллистических ракет, не мог непосредственно угрожать США.

Единственное, что действительно ограничивало США и их ТНК на международной арене – это существование СССР, обладавшего ядерным оружием, «ялтинская система». Только в рамках этой биполярной системы были возможны крушение колониальной системы, победа национально-освободительного движения в афро-азиатском мире и многое другое, включая *welfare state* на самом Западе. О том, каким было бы положение слабых мира сего без СССР, красноречиво свидетельствуют действия США в 1990-е годы против Югославии, Афганистана, Ирака – и всё «ради блага, демократии, избавления от страданий», как о том пишет Дехийо? Ответ – «по Станиславскому»: «Не верю».

Всю вторую половину XX в. США – и это было вполне очевидно уже в 1950-е годы – «сжимали пружину», оказывая давление прежде всего на слабых мира сего – в Азии, Африке, Латинской Америке. А потом она «разжалась» и произошла отдача. «Отдача: цена и последствия американской империи» – так назвал свою книгу об американской политике в Азии во второй половине XX в. и о реакции на неё в начале XXI столетия, известный американский специалист по Восточной Азии, консультант ЦРУ Чалмерс Джонсон (Johnson Ch. Blowback: The costs and consequences of American empire. N.Y.: 2002). Проанализировав политику США и отношению к азиатским странам во второй половине XX в., он предсказывает, что в первой

половине XXI в. Америка получит отдачу по полной программе, и 11 сентября – это только начало. Почему-то приходят на память слова Блаженного Августина: *«Наказания без вины не бывает»*. Жестокий вывод? Нет, жестокий мир, в котором действие равно противодействию. Жаль только, что в результате гибнут ни в чём не повинные люди.

Но вернёмся к Дехийо. Апология США в его книге очень хорошо показывает, как даже умный и знающий человек может стать жертвой пропаганды, умело играющей на комплексе «исторической вины» немцев. Ну как тут не заглотить «свою» – атлантическую, Большого Запада – пропаганду? *«Самое вульгарное в «холодной войне», – говорит антикоммунист, но честный писатель Джон Ле Карре устами своего героя Смайли (в романе «Тайный пилигрим», Le Carré J. Secret Pilgrim. N.Y., 1991) – это то, как мы научились заглатывать собственную пропаганду [...] В нашей предполагаемой честности наше сострадание мы принесли в жертву великому богу безразличия. Мы защищали сильных против слабых, мы совершенствовали искусство общественной лжи. Мы делали врагов из достойных уважения реформаторов и друзей – из самых отвратительных властителей. И мы едва ли остановились, чтобы спросить себя: сколько ещё мы можем защищать наше общество такими средствами, оставаясь таким обществом, которое стоит защищать»*.

Дехийо явно не остановился. Его позиция по отношению к Великобритании и США – это позиция части немецкой интеллигенции после поражения во Второй мировой войне, позиция, которая во многом питалась усиленно насаждаемым победителями-американцами чувством/комплексом «коллективной вины немецкого народа» за войну, за национал-социализм, за Гитлера. Это была очень важная психоисторическая (психоментальная) операция англосаксов по отношению к немцам, рассчитанная на долгосрочный эффект и адекватно до сих пор не осмысленная. На самом деле народ в целом не может быть виноват, ну а тезис о «коллективной вине» – это вообще откуда-то из языческого, дохристианского прошлого. «Коллективная вина» была бы более адекватна политическому языку нацистов, чем либералов. Советская (марксистская) позиция по данному вопросу выглядит намного гуманнее: гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остаётся.

V

Проблема самооценки и чувства историко-культурной вины и сама по себе важна и интересна. Помимо прочего, это мощное идейное, психоисторическое (психоментальное) оружие в борьбе за мировую власть, ресурсы и информацию.

Для нас, русских, всё это вдвойне важно и интересно. В 1989 г. СССР прекратил «холодную войну» – и проиграл (именно так, а не: «СССР проиграл «холодную войну»). Поразительным, хотя вполне предсказуемым образом («*Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать*») ельцинскую РФ, сыгравшую значительную роль в развале СССР и победе Запада над ним, Запад записал в потерпевшие поражение и назначил её и господствующие в ней группы – вместо исчезнувшего СССР – главным проигравшим (как тут не вспомнить Тараса Бульбу с его бессмертным: «*Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи?*»). Значит ли это, что нужно становиться на сторону победителя или начинать смотреть на историю его глазами (т. е. в его интересах), как это радостно сделала часть постсоветской верхушки и обслуживающей её интеллигенции, благо смердяковщина и смердяковы с их любовью к «культурным и умным народам» и презрением к своему собственному со времён Достоевского так и не перевелись? Конечно, нет.

После распада СССР западная пропаганда сама и руками, точнее, устами (гнилыми – есть во «Властелине колец» Толкина такой персонаж: Грима Гнилоуст; предатель, естественно) своих российских агентов-шестёрок пыталась убедить русский народ в его вине (за коммунизм, за то, что не бунтовали против системы, не поддерживали диссидентов, даже за несколько столетий крепостного состояния, якобы превратившего русских в рабов и т. д.), в его неправильности, а то и неполноценности и никчёмности, в отклонении от некой универсальной (читай: западной) нормы.

Кстати, аналогичное чувство вины русским людям пытались привить большевики сразу после октября 1917 г. и гражданской войны. Вины за самодержавие, за «великодержавный шовинизм», за «тюрьму народов» и т. п. И только логика создания державы, борьба с «интернационалистами» Троцкого, а затем с «ленинской гвардией» и, наконец, Великая Отечественная война привели к торжеству иной – государственной, державно-патриотической линии. Впрочем, со временем, уже с Хрущёва, эта линия слабела, усиливалась противоположная, ярко проявившаяся в 1972 г. в направленной против писателей-деревенщиков, программно-погромной статье будущего «главного идеолога перестройки», а тогда цековского пропагандиста А. Н. Яковлева.

После 1991 г. «историческая» критика России получила дополнительные «основания»: капитуляция в «холодной войне», уродливое, нецивилизованное развитие «капитализма», «русская мафия» и т. д., и т. п. Всё это объявлялось наследием как коммунизма, так и – глубже – самодержавия. Таким образом, в 1990-е годы, во-первых, либеральная критика русского прошлого во многом солидаризировалась с коммунистической критикой этого прошлого в 1920-е – 1930-е годы, особенно в её крайнем, троцкистском варианте (как тут не вспомнить Сталина с его тезисом о диалектике в политике: пойдёшь налево – придёшь направо). Во-вторых, произошло взаимоналожение трёх линий пропаганды – антирусской, направленной против самодержавия; антисоветской (антикоммунистической) – против СССР и антирусской – против РФ. Общий знаменатель у всех трёх разновременных, но тесно связанных друг с другом линий пропаганды – направленность против России как против политико-географической и историко-культурной целостности (держава и тип культуры) и против русских как державообразующего народа. С наибольшей отчётливостью на Западе это проявилось у политиков типа Зб. Бжезинского, а в России – у целого кластера, в котором на корыстной основе смешались бывшие диссиденты (теперь становится ясно, чьи «права»,

против кого и по какой цене защищали многие из них), бывшие гэбэшные стукачи, часть совинтеллигенции, которая превратилась в культурбуржуазию и обслуживает узаконенных ельцинским правлением грабителей страны и их западных контрагентов. Глядишь на них и вспоминаешь строки Заболоцкого:

*Все смешалось в общем танце,
И летят во все концы
Гамадрилы и британцы,
Ведьмы, блохи, мертвецы.*

*Кандидат былых столетий,
Полководец новых лет,
Разум мой! Уродцы эти –
Только вымысле и бред.
Только вымысел, мечтанье,
Сонной мысли колыханье.*

Вопрос в том, сколько продлится этот вымысел и бред и понадобится ли хирургическое вмешательство, чтобы его прекратить.

Разумеется, ни Российская империя, ни СССР не были ангелами ни во внешней, ни во внутренней политике (а кто был?). Разумеется, в действиях русской/ советской власти дома и за рубежом было многое, достойное осуждения. Историю нашей страны (как, впрочем, и любой другой) можно писать только на основе «принципа Чаадаева»: «Я не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклонённой головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит её». Действительно, любить Родину по-настоящему можно только с открытыми глазами (ясное видение), гордо поднятой головой, свободными устами. Но – **любить**: *right or wrong, my country* («права или нет, но это моя страна»). Любить, а не ненавидеть – так, что ненависть застит глаза, а голова угодливо склоняется перед заморским хозяином.

Все названные выше линии «критики» особенно активны по внешнеполитической части: Россия – всегдашний агрессор, «жандарм свободы» (это – о самодержавной России), «тоталитарный душитель демократических свобод» и «империя зла» (это об СССР), «квазиимперский монстр, тиранящий несчастных чеченцев» (это о сегодняшней РФ).

Объективность предполагает отказ от двойных стандартов. А борьба за выживание требует не позволять навязывать себе ни такие стандарты, ни чувство коллективной или исторической вины. История борьбы за господство в Европе – хорошая «площадка» для того, чтобы разобраться и в событиях прошлого, и в том, как их интерпретация используется в настоящем – в борьбе за него и за будущее. Нельзя позволить ни противникам России на Западе, ни их «пятой колонне» в самой России навязать нам их версию истории международной борьбы, где Запад назначен на роль героя и добра, а Россия/СССР – на роль антигероя и зла.

VI

Дехийо встал на англосаксонскую точку зрения. Бог ему судья. И сами немцы. А мы – в том числе с помощью Дехийо (*let us write down right things*) попытаемся разобраться с европейской политикой, с историей системы государств Европы последних столетий, чтобы лучше понять Европу (англичан, французов, немцев) и себя. И здесь надо сказать несколько слов в защиту немцев, а точнее – в защиту исторической справедливости и истины.

Немцы, действительно, были теми, кто начал обе мировые войны XX в. (точнее, начал европейские войны, ставшие мировыми – так, будто этого первого шага от них только и ждали). Здесь уместно процитировать француза Гюстава Ле Бона – не большого любителя немцев, но объективного учёного. Пусть именно Германия добавила в наполненную до краёв чашу ту каплю, из-за которой всё пролилось, – заметил он; однако для объективного исследователя, подчёркивает Ле Бон, главный вопрос не в том, кто влил последнюю каплю, а кто наполнил чашу до краёв, сделав войну неизбежной (подр. см. об этом в послесловии).

Например, среди тех, кто самым активным образом наполнял чашу мировой политики горючим содержимым, готовя обе мировые войны XX в. и готовясь к ним, были англичане. Но они вполне могли подождать, пока претендент сделает первый ход и его можно будет объявить агрессором (тем более, что все его действия на европейской арене с 1935 г., по сути поощряемые всё тем же «туманным Альбионом», свидетельствовали именно об этом) – в отличие от претендента, у них были заморские ресурсы, и они с населением колоний и полукolonий, с «цветными», творили то, что немцы пытались сделать в Европе и с европейцами, пытаясь превратить её в полукolonию, а неарийское население, прежде всего огромные массы славян, частично уничтожить, частично превратить в «европейских цветных». Проблема, однако, в том, что историю пишут победители. Поэтому после 1945 г. на Западе, а с конца 1980-х годов и у нас восторжествовала англосаксонская точка зрения на причины и ход мировых войн XX в. и борьбы за европейское и мировое господство в XVI-XX вв. в целом.

Нельзя не согласиться с английским историком Д. Ливеном, автором работы «Империя: Российская империя и её соперники» (Lieven D. *Empire: The Russian empire and its rivals*. L., 2000), который заметил, что в современных работах по сравнительной истории и политологии господствует превращённая в догму – «странная версия англо-американского самопоздравления-самовосхваления (*self-congratulation*), написанная в немецкой манере».

И ведь действительно: практически вся история современности, вся история капиталистической эпохи написана по сути с англо-американских позиций, на основе англо-американских ценностей (права человека, понимаемые как права индивида, рынок, демократия и т. д.), провозглашённых универсальными, в понятиях и терминах, отражающих реалии буржуазного общества, основанного на англосаксонских по происхождению капитализме и либерализме (отсюда, кстати, европоцентризм и капиталоцентризм современной науки об обществе), а следовательно, на основе англосаксонских интересов, т. е. интересов двух сменивших один другого гегемонов мировой капиталистической системы – Великобритании и США, «англо-американского истеблишмента» (К. Куигли) – экономико-политическо-интеллектуального.

Когда-то Тацит заметил, что поражение в битве терпит тот, кто первым опускает глаза. Смотреть на себя и на мир чужими глазами – ещё хуже, чем опустить глаза в бою. Это значит проиграть битву до её начала. История современности написана победителями, они назначали её героев (англичане, американцы, протестанты, либералы и т. д.) и антигероев (католики, православные, мусульмане, французы, немцы, русские, марксисты, консерваторы и т. д.); они определяли, как и что исследовать и, главное, оценивать, причём по двойному

(по-разному для себя и для остального мира) стандарту. На повестке дня – ревизия подобного подхода и основанных на нём интерпретаций истории вообще и капиталистической эпохи с её борьбой государств за гегемонию, в частности – переосмысление (или осмысление заново – *unthinking*, как предпочитает выражаться отец-основатель мир-системного анализа И. Валлерстайн). Такого рода ревизия, или осмысление заново – необходимое, хотя и недостаточное условие не победы даже, а участия на равных в Большой Мировой Игре, в разворачивающихся на наших глазах новом мировом переделе, новой Передаче Карт Истории, которая определит расклад сил на бóльшую часть XXI века. В игре, в которой Россия, если говорить всерьёз, пока что даже не субъект.

VII

Вывод? Учиться, учиться и ещё раз учиться, в том числе и на своих ошибках – за одного битого двух небитых дают. Учиться быть сильным, потому что слабых бьют. Учиться у тех же англосаксов. Например, их замечательному принципу – *right or wrong, my country*, с помощью которого, начиная с XVI в., они последовательно, с запада на восток, устранили всех своих противников – сначала полуостровных европейских (Испанию, Францию, Германию), а затем евразийских – Россию и СССР, «дотопав» сегодня до Восточной Азии (Китая). Именно указанный победительный государственно-патриотический принцип, окрашивающий англосаксонский либерализм в тона национализма и имперскости, с большим трудом воспринимался русской/советской/постсоветской интеллигенцией, либерализм которой был в подавляющем большинстве случаев устремлён в сторону Запада, в сторону от своей страны, от своего народа, а то и просто повернут против страны и народа, логически оборачиваясь русофобией. Прав Достоевский: либерализм в России – это нерусский либерализм. А вот либерализм в Англии и Америке был всегда англо-американским либерализмом, и в том была его созидательная, а не разрушительная сила – по отношению к своим странам, разумеется. Разрушительным политико-экономическим и идейным (психо-историческим) оружием этот либерализм становился по отношению к странам – противникам англосаксов, особенно когда обрастал в них местной либеральной «пятой колонной», которая объективно (по идеализму, глупости, подлости, холуйству перед Западом – причина не важна, важен результат) работала «на чужого дядю». Кстати, в англосаксонских странах работников «на чужих дядек», как правило, нейтрализуют быстро и жёстко, причём как по закону, так и создавая вокруг них определённую моральную атмосферу. Вот этому у англосаксов тоже надо поучиться.

Нужно учиться быть адекватными современному миру. Одна из причин крушения СССР заключалась в том, что советская властная верхушка («элита») в 1980-е годы проиграла западной, а её интеллектуальная обслуга – своему западному контрагенту, глазами которого (т. е. чужими глазами) она начала смотреть на мир как минимум с 1970-х годов.

После наступления «Тет» вьетнамских коммунистов в 1968 г., мировых студенческих волнений 1968-1969 гг. и экономических потрясений первой половины 1970-х годов Запад делал выводы и перестраивался в политическом и интеллектуальном плане (Римский клуб, Трёхсторонняя комиссия и многое другое), готовясь к фронтальному наступлению 1980-х. Хочу особо подчеркнуть интеллектуальную составляющую западного истеблишмента. Я полностью согласен с Ч. Джонсоном, заметившим в своей последней книге «Отдача»: эйзенхауэровский термин «военно-промышленный комплекс» надо заменить на «военно-промышленно-интеллектуальный комплекс». «Холодная война» определённым образом и в определённом направлении деформировала развитие многих американских университетов (например, Стэнфордского, чему посвящено специальное исследование Р. Лоуэн «Создание университета Холодной войны: Трансформация Стэнфорда. Lowen R. Creating the Cold war university: The transformation of Stanford. Berkeley, 1997) или привела к созданию исследовательских «фабрик мысли» специально под «холодную войну» (например, «РЭНД корпорейшен», «Гудзоновский институт по изучению будущего» – подробнее см. книгу П. Диксона «Фабрики мысли». М., 1976).

Общественная наука не была нейтральной не только в СССР, но и на Западе; здесь эта «нейтральность» просто скрывалась хитрее и изощрённее, по крайней мере, до крушения СССР. Да и наивно было бы даже предполагать противоположное. В 1970-е годы Запад перестраивался, готовясь к новому туру борьбы, а сытая, тупая и трусливая советская верхушка проматывала на нефтедоллары будущее страны и – признак системного упадка – растила в

своём чреве и двигала вверх горбачёвых, яковлевых и прочую бездарь, проигравшую/сдавшую в 1980-е всё, что только можно было проиграть и даже более того, а затем представила свои бездарные действия как заранее планировавшийся демонтаж коммунизма и СССР *à la* Плохиш («*Радуйтесь... Это всё я, Плохиш сделал... Обрадовались тогда буржуины, записали поскорее Мальчиша-Плохиша в своё буржуинство и дали ему целую бочку варенья да целую корзину печенья. Сидит Мальчиш-Плохиш, жрёт и радуется*»).

Не буду разбирать здесь вопрос о соотношении роли некомпетентности и предательства советской верхушки в качестве факторов поражения СССР. Президент Клинтон, выступая в октябре 1995 г. перед Объединённым комитетом начальников штабов, назвал самоуверенность Горбачёва и наличие в его окружении проамериканских фигур (т. е. агентов влияния) главными факторами того, что США в 1991 г. мирным путём добились реализации военных планов Трумэна. В данном контексте для меня важнее некомпетентность советского руководства и превосходство над ним западных лидеров, а западных «фабрик мысли» – над советскими.

Во второй половине 1980-х годов сбылось давнишнее опасение «любимца партии» Николая Бухарина. З. Ю. Арбатов вспоминает, как, выступая во время гражданской войны в Екатеринославе, Бухарин рассказывал: *«Сижу я частенько в кабинете Чичерина... Пугнём, говорю, Францию... Пусти-ка по прямому ноту в Варшаву!.. И Чичерин пугает... Мы с Чичериным хохочем, а из Варшавы устами французских империалистов летит к нам по радио встревоженный и серьёзный ответ... Мы, значит, в шутку, а они всерьёз!.. Мы для забавы, а они за головы хватаются, и пупы у них дрожат!.. А что наш Красин в Лондоне выделывает! – заливался Бухарин, – Чудеса, да и только!.. Англичане и во сне видят наши леса, нашу руду и наш Урал... Международные политики, товарищи, – перешёл на серьёзный тон Бухарин, – в годы большого исторического сдвига, проделанного Российской Коммунистической Партией, оказались неподготовленными к тем формам дипломатии, которые выдвинул наш Ильич и которые так исчерпывающе полно и тонко схватил и понял наш Чичерин, хотя тоже старый царский дипломат... Вся ошибка и самое страшное для мировых дипломатов это то, что мы говорим определённым языком, и слово «да» на языке нашей коммунистической дипломатии означает исключительно положительную сторону дела, т. е. чистое, утверждающее событие «да»; они же, выжившие из ума мировые дипломаты, в нашем открытом «да» ищут каких-то несуществующих в нём оттенков уклончивости, отрицания, и до глупого, до смешного бродят меж трёх сосен... Вся, товарищи, суть дипломатии заключается в том, что кто кого окопачит!.. Сейчас, товарищи, мы колпачим!.. Может быть, настанет час, когда и нас будут колпачить, но сейчас, товарищи, повторяю, мы колпачим всю Европу!.. весь мир!.. и на седой голове Ллойд Джорджа красуется невидимый для мира, но видимый нам, большой остроконечный колпак, возложенный нашими славными товарищами, Красиным, Литвиновым и Чичериним...».*

В 1980-е годы советские лидеры оказались, в свою очередь, неподготовленными к тем формам борьбы, которые выдвинул глобализирующийся Запад, и «славные товарищи» Рейган, Тэтчер, Буш и другие возложили «остроконечные колпаки» на лысые и седые головы советских руководителей, для которых настал «час окопачивания» (за которым придёт час ещё большего позора – рекламы пиццы).

В начале XX в. большевики победили, помимо прочего, и потому, что сделали верные выводы из внешнеполитических поражений России в современную им эпоху и выработали знание, идеи и стратегию, адекватные миру того времени. О них можно сказать то же, что К. Полањи в своей великой книге «Великое преобразование» (Great transformation. L., 1944) сказал о нацистских лидерах. В потерпевшей в 1918 г. поражение Германии, писал он, нашлись люди, способные понять скрытые изъяны мироустройства XIX в. и, более того, использовать это знание в разрушительных целях. *«Некое зловещее интеллектуальное пре-*

восходство было выработано теми её (Германии. – А.Ф.) государственными деятелями тридцатых годов, которые сконцентрировались на задаче разрушения (существующего порядка – А.Ф.). Эта задача, которая диктовалась необходимостью подчинить ход событий своему политическому курсу, предполагала развитие новых методов финансовой деятельности, торговли, войны и социальной организации».

Хочу обратить внимание читателя на формулу «интеллектуальное превосходство». Последнее вырабатывается как «практикой», особенно поражениями, так и «теорией» – анализом современного мира в его историческом развитии, прежде всего, долгосрочных системных тенденций развития. И вот здесь тоже есть много чему поучиться у англосаксов, особенно альбионских. Когда-то замечательный русский геополитик Е. А. Вандам (Едрихин), зафиксировав необычайную искусность англичан в жизненной борьбе (что не помешало ему отметить: хуже вражды с англосаксом может быть только одно – дружба с ним), особо подчеркнул интеллектуальную составляющую англосаксонских побед и их проекта.

Позволю себе привести длинную цитату из работы Е. А. Вандама: *«Простая справедливость требует признания за всемирными завоевателями и нашими жизненными соперниками англосаксами одного неоспоримого качества – никогда и ни в чём наш хвалёный инстинкт не играет у них роли добродетельной Антигоны. Внимательно наблюдая жизнь человечества в её целом и оценивая каждое событие по степени влияния его на их собственные дела, они неустанной работой мозга развивают в себе способность на огромное расстояние во времени и пространстве видеть и почти осязать то, что людям с ленивым умом и слабым воображением кажется пустой фантазией. В искусстве борьбы за жизнь, т. е. политике, эта способность даёт им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком. Испещрённая океанами, материками и островами земная поверхность является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы – живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчётом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов, теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?»*

Такого именно рода искусство увидим мы сейчас в действиях американцев и англичан против нас самих». (Кстати, в том, как немец Дехийо написал об англосаксах, тоже проявляется их искусство мировой борьбы, в данном случае – интеллектуальной.) Сказано в начале XX в., а оказывается актуальным и сто лет спустя, в начале XXI в.

Какой же из всех видов анализа для нас наиважнейший? Поскольку, как говорил ещё Гераклит, *«борьба/война – отец всего»*, анализ именно долгосрочных тенденций борьбы за власть в европейской/мировой системе является одним из необходимых, хотя и недостаточных факторов понимания состояния современного мира и прогнозов его будущего развития.

В этом плане книга Дехийо, несмотря на все предыдущие критические замечания в её адрес, представляет значительный интерес. Хотя она и написана почти полвека назад, ни своих качеств, ни своей актуальности эта книга не утратила, а по коэффициенту соотношения объёма материала и сжатости/ясности его изложения превосходит многие книги по данной тематике. «Хрупкий баланс» – хорошее введение, затравка к истории борьбы за господство в Европе и мире, красочная историческая иллюстрация к одной из проблематем махиологии (науки о борьбе), плотная информация к размышлению. Ну а о том, что в работе Дехийо представляется не совсем верным (или совсем неверным), что требует сопоставления с иными точками зрения или просто уточнений, дополнений, особенно в том, что касается экономического, социального и военно-технического аспектов международно-политической борьбы, специфики политико-оперативной обстановки в тот или иной период борьбы за господство в Европе, мы отдельно поговорим в послесловии к интересному тексту немец-

кого учёного, обещающего нам, помимо прочего, увлекательное интеллектуальное чтение и приключение.

Надеюсь также, что труд Людвиг Дехийо станет первым в серии книг о современном (*modern*) мире и его истории, о том, какая наука нужна, чтобы выживать, жить и побеждать в этом мире. Особенно когда это приходится делать, поднимаясь после поражения и провала перед лицом превосходящего по силам противника. *«В таком положении находится теперь наше отечество, – писал И. В. Вернадский после Крымской войны (а сегодня положение похуже будет). – Мы не станем пророчить ему несомненный и полный успех, как этого желает наше сердце, но не можем не заметить вероятность такого успеха; и если борьба будет **продолжительна**, то она докажет неприятелю, что русский народ обладает такую же тягучестью, силою и настойчивостью характера, как в прежнее время, что враг перед собою имеет не изнеженные слабые племена, над которыми легка была для него победа, а народ, готовый для спасения своего политического положения на самые крайние жертвы, и в своей земле, и своём числе могущий найти все нужные средства, хотя бы для вековой борьбы с нападающими на него».*

Присоединимся к мнению учёного и постараемся взять из «Хрупкого баланса» то, что нужно и важно именно **нам**, чтобы избежать неизъяснимой хрупкости государственного бытия России в XXI веке.

Мировые геополитические шахматы: чемпионы и претенденты (вместо послесловия к «Хрупкому балансу» Людвиг Дехийо)³

Предварительные замечания. Перевернута последняя страница книги Людвиг Вильгельма Дехийо, книги, вместившей четыре столетия борьбы за господство в Европе и потому весьма насыщенной. С автором есть о чем поспорить – как в общем, так и по частностям. Кроме того, поскольку автор, к сожалению, практически не затрагивает такие сферы и факторы как экономика, техника, демография, то необходимы некоторые дополнения.

Разумеется, чтобы развернуть дискуссию по большей части вопросов или основательно дополнить Дехийо, нужно писать книгу, что со временем я и намереваюсь сделать. Здесь же ограничусь некоторыми наиболее важными проблемами, особенно теми, что связаны с мировыми войнами XX в. Ну и поскольку Дехийо довольно много рассуждает о немцах и двух их попыток объединить Европу и стереть Ластиком Истории систему государств, придётся обратиться к немецкому аспекту борьбы за господство в Европе. Хотя меня интересуют общие проблемы долгосрочной борьбы за господство в Европе, сходство и различие нескольких попыток объединить её, начну я с нескольких замечаний частного характера.

Частности. Например, сомнительным представляется утверждение Дехийо о том, что в XI–XIII вв. пульс европейской экономики бился слабо. Как показывают исследования (например, Ж. Гимпеля и других) в XI–XIII вв. произошла по сути первая промышленная революция в Западной Европе, технический взрыв, который сменился застоём XIV–XVII вв. Правда, то был застой в развитии мирной, но ни в коем случае не военной техники, последняя, напротив, бурно прогрессировала с XIV в. по конец XVII, а вот после наступил застой на полтора столетия.

Когда Дехийо пишет, что в основе неудачи Карла V лежало недоверие к папам, коренившееся в многовековом конфликте империи и папства, он прав лишь отчасти. Есть и другая сторона дела: попытка Карла V, а затем и Филиппа II создать общеевропейскую империю бежала против времени. В XVI в. стало формироваться новое международное разделение труда, возник мировой рынок, адекватной политической формой международной организации которого была именно система государств, получившая, таким образом, мощную международную основу неполитического и неимперского типа. Поэтому, например, выводить напрямую систему европейских государств из системы итальянских государств и прочерчивать прямую линию от Венеции к Голландии едва ли правомерно. Между ними – качественное изменение: возникновение мирового рынка в XVI в. О военной революции XVI–XVII вв. и экономическом кризисе XVII в. я уже и не говорю.

Новоевропейская система государств не является просто расширением итальянской системы – между ними качественное различие, у них разные основы. «Длинный XVI век» (1453–1648 гг.) отделил старую эпоху от новой и в то же время задал некие векторы развития этой новой эпохи – генезис определяет функционирование системы. И одним из важных векторов был тот, на который обратил внимание Дехийо – роль внеевропейского (азиатского, евразийского) фактора в определении судеб Европы: сначала – Османы, в союз с которыми против Габсбургов вступил Франциск I, затем – Россия, в союзе которой против Франции, а затем Германии выступали англосаксы.

³ Опубликовано в: Дехийо Л. Хрупкий баланс: четыре столетия борьбы за господство в Европе. М, Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 244–313.

Прав Дехийо: если бы Европа (западный мир) оставалась замкнутой, то тенденция к её (его) объединению в рамках новой империи – «второго издания» империи Карла Великого – возобладала бы. Европа, однако, размыкалась, и размыкалась на экономической основе, к середине XVI в. эта тенденция уже миновала точку возврата. Весьма символично, что в том же 1519 г., когда Карл стал императором Священной Римской империи, Фернандо Магеллан отправился в кругосветное плавание, а Эрнандо Кортес – на завоевание Мексики. И дело здесь не просто в заморской экспансии, а в формировании мирового рынка – внеевропейского экономического каркаса европейской системы государств. К семисотлетнему юбилею Верденского договора (843 г.), похоронившего империю Карла Великого и давшего жизнь Франции Карла Лысого, Германии Людовика Немецкого и Италии Лотаря, уже сформировалась та мировая («атлантическо-индийская») основа, которая объективно, извне Европы и не политически, как Османы или Россия, а экономически подрывала имперское панъевропейское объединение.

Подрывала, но не могла остановить, исключить вообще. Любой европейский претендент на борьбу с Главным Контролером мирового рынка (в течение короткого периода времени – голландцами, а с XVIII в. – англосаксами) мог противопоставить ему прежде всего объединённую Европу. Так, с XVIII в. имперское объединение Европы стало, помимо прочего, функцией борьбы континентального противника Великобритании за контроль над мировым рынком, за гегемонию в мировой системе, т. е. имперски единая Европа стала постоянным ответом Франции, а затем и Германии британскому морскому и рыночному могуществу. И первым континенталом, бросившим вызов морскому могуществу был, конечно же, Людовик XIV.

От частного – к общему: подобию и различия шести попыток объединить Европу. Дехийо прав, сводя вместе шесть попыток имперского объединения континентальной Европы – Карла V, Филиппа II, Людовика XIV, Наполеона, Вильгельма II и Гитлера. И в то же время он не прав, поскольку попытки Карла V и Филиппа II отличались от того, что происходило позже. Карл и Филипп боролись за гегемонию в Европе и за объединение последней с другой континентальной державой – Францией. П. Кеннеди даже назвал вторую главу своего научного бестселлера «Взлёт и падение великих держав» (1989) «Габсбургские притязания на власть». Правда, его датировка – 1519-1659 гг., на мой взгляд, это стосорокалетие – активная фаза, но были также начальная и затухающая, поэтому правильнее фиксировать франко-габсбургскую борьбу 1477-1750 гг. (Версальский франко-австрийский договор) по сути оформивший антианглийский союз. Эта антифранцузская борьба была словно передана Габсбургам по наследству бургундским двором – главным и весьма успешным противником французской короны в XV в., который в истории Франции не случайно именуют «бургундским».

Габсбургско-(испанско-)английское противостояние в конце XVI в., история с «Армадой», при всей её важности – лишь эпизод. В XVI в. Англия ещё не была ни морской державой, ни империей. Таковой она стала в середине XVII в. (вехи здесь – первый Навигационный акт, 1651 г.; первая англо-голландская война, 1652-1654 и захват англичанами Ямайки в 1655 г.) и вот в этом качестве ей (и Голландии) и бросил впервые вызов Людовик XIV. Разумеется, конфликт между морским островным и континентальным принципами организации европейской политики вызревал именно с «Армады», однако вызревал медленно, пунктирно. Связанные с ним конфликты долгое время были вплетены в качестве лишь одного из элементов в главный – франко-габсбургский, национально-(монархическо-)имперский конфликт эпохи. Типичный пример – Тридцатилетняя война (1618-1648 гг.).

В попытке Людовика XIV так много связано с франко-габсбургским противостоянием, что её можно считать промежуточным, переходным этапом от внутриконтинентальной борьбы за объединение континентальной Европы и борьбы за такое объединение в качестве

стратегического элемента противостояния морской державе, борьбе с ней за мировую гегемонию. Ещё более сложно-промежуточный характер эпохе войн Людовика XIV придавали войны между самими морскими державами – Англией и Голландией (1652-1654, 1665-1667, 1672-1674), завершившиеся победой Альбиона и «уходом» Льва из Голландии в Англию.

Первой по-настоящему континентально-морской европейской (мировой) схваткой, освобождённой от внутриконтинентального соперничества как главного, была Семилетняя война (1756-1763) – первый раунд англо-французского мирового противостояния. В то же время Семилетняя война была предпоследней крупной войной эпохи «Старого Порядка», т. е. эпохи XVI–XVIII вв. (Э. Леруа Ладюри назвал бы точные даты, по крайней мере, для Франции: 1610-1770 гг.) и, будучи принципиально новой, по-настоящему мировой войной, отрицающей этот порядок в значительной степени несла на себе его отпечаток (последней была война 1778-1783 гг.; в ней США, Франция, Испания и Нидерланды нанесли поражение Великобритании, которая впервые за весь XVIII в. на какое-то время утратила господство над морями. Однако, как повторил вслед за Мишелем Бенье Фернан Бродель, хотя Англия *«проиграла войну, но сразу же после этого выиграла мир...она не могла его не выиграть, потому что в её колоде уже были все главные козыри»*, т. е. она уже была ядром формирующейся капиталистической мир-экономики).

По названной выше «старопорядковой», традиционно-внутриконтинентальной линии Семилетняя война была всего лишь продолжением войны за австрийское наследство (1740-1748). Дело, однако, в том, что не эта линия, а мировая, континентально-морская была главной, но чётко зафиксировать эту новизну мешала эпоха, ещё скрывавшая новое содержание в старых формах. В связи с этим задачей следующей мировой войны была и отмена этой эпохи – так сказать, *«взять и отменить»*, что и было исполнено.

Полное обретение новым содержанием новой формы произошло во втором раунде англо-французского противостояния – во время революционных и Наполеоновских войн (1792-1815). Это уже был настоящий Модерн, а не архаика Старого Порядка, сметённого во Франции и ослабленного в значительной части Европы Великой Французской революцией, а затем её «экспортным вариантом» – Наполеоновскими войнами.

В них той или иной степени присутствует почти весь «набор» черт, с которыми мы сталкиваемся и в 1914-1918 годах и (во многом) в 1939-1945: промышленная эпоха, военно-стратегическая роль России, стремление континентальных держав поставить под контроль «точку соединения» Африки и Азии как стратегический пункт на пути к британской Индии. И действительно, с Наполеоновских войн Ближний Восток становится одним из театров военных действий мировых войн, т. е. функциональной, вынесенной за пределы самой Европы зоной борьбы за господство в Европе. Причина проста – Индия, которая начала играть огромную роль для Великобритании как раз в период между Семилетней и Наполеоновскими войнами. Дело в том, что, во-первых, в середине XVIII в. стали вырабатываться бразильские золотые шахты и в 1760-е годы существенно уменьшился приток в Англию золота, и англичанам пришлось активизировать свою деятельность в Индии. Во-вторых, откололись североамериканские колонии, что стало концом первой Британской империи.

Ближний Восток – геоисторический Золотой Квадрат. Ближний Восток всегда имел важное стратегическое значение для Старого Света. Здесь проходили три главных исторических пути-коридоры с запада на восток, из Европы и Африки – в Азию, из Средиземноморья – к Индийскому океану, в сердце Азии и далее, в Китай.

Самый северный, левантский: Эгейское море – Чёрное море – «хазарские пути» – Средняя Азия (Шёлковый путь); средний: Сирия – Месопотамия – Персидский залив. Отсюда можно было плыть по морю аж до Китая, а можно было по «багдадской ветке» Шёлкового пути через Хамадан, Нишапур, Мерв попасть в Центральную Азию – Бухару, Фер-

гану, Кашгар – и двигаться в Китай посуху. Наконец, южный коридор: Нил – Красное море и – *«ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет»* (в сторону Индии).

Тот, кто владел «коридором» или, тем более, «коридорами», контролировал поток товаров и людей и почти автоматически получал власть над макрорегионом. И наоборот, любой претендент на власть прежде всего стремился захватить контроль над «коридорами».

Таким образом, относительно небольшая территория (квадрат, углы которого образовали Южное побережье Чёрного моря и северные побережья Персидского залива и Каспийского и Красного морей) оказывалась золотой в прямом смысле слова, Золотым Квадратом, а иногда – Золотым Ромбом. И не случайно эта зона «коридоров» была постоянным местом и возникновения систем имперского типа, и борьбы между ними. Причём борьба шла за то, чтобы захватить все три «коридора», стать Властелином коридоров или, по крайней мере, среднего и южного.

Борьба за пути-коридоры развернулась намного раньше, чем исторические области, которые они связывали, превратились в устойчивые региональные системы обмена (и производства). Ни одной державе не удавалось установить сколько-нибудь эффективный и длительный контроль над тремя коридорами сразу, над всем Золотым Квадратом. Кое-кому удавалось контролировать два коридора из трёх. Но чаще работал принцип «один коридор – одна держава».

Трудно сказать, была ли вызвана знаменитая война древних египтян и хеттов конца XIV в. до н. э. с не менее знаменитой битвой при Кадеше (1312 г. до н. э.), в которой сошлись фараон Рамзес II и царь Муваталли, борьбой именно за «коридоры», но по крайней мере один из них был объектом борьбы.

На рубеже VIII–VII вв. до н. э. Ассирия попыталась поставить под контроль средний и южный «коридоры», но всерьез не преуспела. Большого успеха добились персы, сменившие ассирийцев в качестве гегемонов ближневосточного мира. Они не только захватили средний и южный «коридоры», но и пытались контролировать северный, разбив, однако, лоб о скифско-греческую «стену». И всё же именно персы первыми сделали заявку на «трёхкоридорную гегемонию».

Ещё дальше пошёл Александр Македонский. Он не только включил все три пути в одну имперскую структуру, но также попытался захватить долину Инда. Однако всё это продлилось один исторический миг и рухнуло. Эллинистические монархии, возникшие в результате войн диадохов, почти точно совпали с тремя «коридорами», а развернувшаяся борьба между Птолемеями (Лагидами) и Селевкидами велась, по сути, за контроль над путями, соединявшими две части Старого Света, две части Евразии.

Даже Римская империя не смогла установить длительную и эффективную «трёхкоридорную гегемонию» – Парфия, а затем Сасаниды лишили их среднего (месопотамско-персидского) «коридора». Умайяды и Аббасиды какое-то время тоже контролировали два из трёх «коридоров». Однако с утратой единства окончилась и «двухкоридорная гегемония». Что интересно, раскол опять же произошёл по «коридорной линии», противопоставив друг другу Багдад и Каир как двух «контролёров» различных путей.

Таким образом, осью «войны миров» на стыке Европы и Азии, у «горла Азии» была борьба за «коридоры». И если мы взглянем на XIX–XX вв., то увидим, что даже в капиталистическую эпоху, от египетского похода Наполеона (1798-1801 гг.) и восточного вопроса с Крымской войной (1853-1856 гг.) до Суэцкого кризиса (1956 г.) и войны в Заливе (1991 г.), очень важная ось мировой политики проходит там, где её увидели персы два с половиной тысячелетия назад.

И если сегодня к «коридорному» фактору Ближнего Востока добавились нефть и арабо-израильский конфликт, то в конце XVIII в. весомой «добавкой» к Ближнему Востоку стала Индия. Отсюда – экспедиция Бонапарта в Египет на рубеже XVIII–XIX вв., немецкая

железная дорога Берлин – Багдад на рубеже XIX–XX вв. и многое другое, начало чему положило англо-французское мировое соперничество вообще и их вторая фаза, Наполеоновские войны в частности.

Суммируя, можно сказать, что шесть схваток за власть в Европе, которые Дехийо поставил в один ряд и у которых, действительно, много общего (например, каждое последующее поражение континентала от его морского соперника было более жестоким и сокрушительным, по нарастающей – Людовик XIV, Наполеон, Вильгельм II, Гитлер. Казалось, страшнее поражения Гитлера ничего не может быть; теперь, пережив крушение СССР, мы знаем, что это не так, возможен полный геоисторический, социосистемный, а не просто державный разгром), суть явления разнопорядковые. Три из них – Наполеоновские войны (упомянув Семилетнюю войну Дехийо не рассматривает её отдельно), войны 1914-1918 и 1939-1945 – мировые; первые три схватки, инициаторами которых выступили Карл V, Филипп II и Людовик XIV мировыми войнами не являются. В то же время и между этими войнами существует серьёзное различие. Так, Габсбурги Карл V и Филипп II боролись против другой континентальной державы. Под определённым углом зрения двух этих королей можно объединить в рамках попытки европейско-заморской континентальной державы Испании поставить Европу под контроль; под другим углом зрения, империи Карла и Филиппа весьма отличаются друг от друга. Империя Карла скорее устремлена в прошлое, подводит его итог, стремясь завершить средневековую эпоху франкского Запада тем, чем он её начал – европейской империей Карла Великого. А вот империя Филиппа – это уже мировая военно-торговая империя раннего Нового времени, первая в истории, первая в истории, над которой после аннексии в 1580 г. Португалии и её заморских владений действительно не заходило солнце. У неё намного более мощная и богатая основа. После того, как в 1545 г. открыли серебро Потоси, пишет Ч. Киндлбергер в работе «Мировое экономическое первенство» (Kindleberger Ch. World economic primacy, 1500-1900. N.Y., Oxford: Oxford univ. press, 1996), ежегодный объём производства вырос с 2,9 млн. унций (1544 г.) до 10 млн. за последующие 15 лет и до 13,6 млн. за первые 20 лет XVIII в. Именно мощный приток серебра с середины 1560-х годов и победа при Лепанто позволили Филиппу II начать борьбу за возвращение Фландрии Габсбургам и Испании – восьмидесятилетнюю войну 1568-1648 гг., последние тридцать лет которой приходится на Тридцатилетнюю войну (1618-1648 гг.).

А вот Людовик XIV, воюя почти со всей Европой и прежде всего с Габсбургами, бросил вызов и морской Европе – Голландии и Англии, которая и сокрушила его, создав анти-французский союз и подорвав к 1713 г. «старую» Францию (с Англией в середине XVIII в. и уж тем более в начале XIX в. схватилась уже другая, «новая» Франция). Фигура Вильгельма Оранского, который сплёл сеть для (против) Людовика, и вообще заложил островную (английскую) традицию мастерства создавать континентальные коалиции и воевать со своими противниками чужими руками – голландца, ставшего английским королём Вильгельмом III, сверхсимволична. Как и тот факт, что символ Нидерландов – лев (см., например, карты Нидерландов 1648 г. Николаса Висшера и Питера ван ден Кеере, на которых этой стране приданы очертания льва) прыгнул за море и навсегда стал английским.

После войны за испанское наследство борьба между Францией и Великобританией – это уже не столько борьба двух европейских держав, сколько двух торговых империй, ведущаяся по всему миру. Семилетняя война полыхала не только в Европе, но в Азии (Индия, Филиппинские острова), Вест-Индии (Мартиника, Куба, Сент-Люсия) и Северной Америке (боевые действия у Луисбурга и форта Дюкина, в Квебеке и у форта Тикандерога – для читавших фениморкуперовский роман «Последнего из могикан, или Повествование о 1757 годе» это название должно быть знакомо).

Борьба за господство в Европе под демографическим углом зрения. Ещё один фактор, со всей очевидностью проявившийся в мировых войнах и отчасти в войнах Людо-

вика XIV – демография. Дехийо не принимает его в расчёт, а зря. Многие исследователи уделяют ему большое значение. Один из таких исследователей – американец У. Макнил. Как мы помним, Дехийо пишет о периодах максимального подъёма волн борьбы за господство в Европе и их спада, «провала». Если на схему «подъёмов» и «провалов» наложить динамику демографического роста Европы, то становится ясно: очередной схватке за власть в Европе (и мире) предшествует полувековой демографический рост. Отчасти это проявилось уже в XVI в., до войн Людовика XIV – короля двадцатимиллионной Франции, но ещё более ярко – в полвека перед наполеоновскими войнами и перед войной 1914-1918 гг.

XVIII в. стал периодом интенсивного демографического роста в её городах (я не рассматриваю внеевропейский мир, например, Китай, где XVIII в. тоже был периодом бурного экономического – китайское «экономическое чудо XVIII» – и демографического роста). Население Европы в целом выросло со 118 млн. в 1700 г. до 187 млн. в 1801 г.; население Англии и Уэльса – с 5,8 млн. до 9,8 млн. (по другим данным – с 8 млн. до 15 млн.); Франции – с 17 млн. до 26 млн. (по другим данным – с 23 млн. до 28 млн.); Испании – с 7 млн. до 10 млн., итальянские государства – с 9 млн. до 13 млн.

Особенно интенсивно росло население во второй половине XVIII в. в Великобритании и Франции. Страх перед грядущей катастрофой от перенаселённости был широко распространён уже в середине XVIII в. Об этом писал Монтескье в 1761 г., а почти за сорок лет до Мальтуса, сформулировавшего свой закон тогда, когда реалии, отражённые им, становились достоянием уходящей эпохи, шотландский экономист Роберт Уоллес опубликовал работу «Различные перспективы человечества, природы и провидения». В ней он предупреждал, что численность человечества будет удваиваться каждые тридцать лет.

Наиболее интенсивным был рост городского населения. Так, в Лондоне оно увеличилось с 575 тыс. в 1750 г. до 900 тыс. в 1801 г.; население Парижа составило в 1789 г. 600-700 тыс. В городах скапливались неимущие, наэлектризованные социальным напряжением толпы.

Англия и Франция по-разному решали эту проблему. Точнее, решала – Англия путём создания колониальной империи (отток населения), развитие рынка, совершенствование налоговой системы и т. д. Ответом Франции стала революция и Наполеоновские войны, снявшие пресс перенаселённости (только за период 1792-1799 гг. погибло и умерло от ран 600 тыс. французских солдат, к периоду 1799-1815 гг. историки прибавляют ещё 700-900 тыс.) и в то же время подорвавшие Францию, а возможно, и её генофонд и навсегда исключившие её из списка не только претендентов на мировое лидерство, но – по сути – и по-настоящему великих держав.

После 1815 г. в течение нескольких десятилетий Западная Европа не испытывала столь жёсткого демографического пресса, а во второй половине XIX в. ситуация столетней давности повторилась в более крупном масштабе, правда теперь зона мощного демографического роста сместилась на восток – в Центральную и Восточную Европу, т. е. в Германию и Россию.

Демографическая ситуация здесь резко обострилась в конце XIX – начале XX в. Так, если в 1858 г. население России составляло 74 млн., то в 1897 г. – 125,6 млн., а в 1914 г. – 165 млн. (без Польши и Финляндии). Если учесть, что 77 % населения – это крестьянство, которое не могло прокормиться с земельного надела (средний крестьянский земельный надел в конце XIX в. – 2,7 десятины), если учесть также, что возможности экстенсивного роста были большей частью исчерпаны (правда, оставались Восточная Сибирь и Приморье, однако, как показала столыпинская реформа, крестьяне не горели желанием переселяться, многие возвращались – из переселившихся за 10 лет 3 млн. вернулись 0,5 млн., а из оставшихся 2,5 млн. значительная часть «застряла» в уже освоенной Западной Сибири и

на Урале), а фабричное производство подсекло традиционные крестьянские промыслы, то ясно, что положение было близким к катастрофическому.

Ещё трагичнее была немецкая ситуация. Во Втором рейхе в 1900-1910 гг. ежегодный прирост населения составлял 866 тыс. чел., и если русские теоретически могли мигрировать за Урал, а, например, британцы – за моря, то зажатая между Францией и Россией Германия таких возможностей была лишена даже теоретически. Тут есть от чего свихнуться на *Lebensraum*. Приобретение колоний и превращение из *Grossmacht* в *Weltmacht* было единственной немецкой альтернативой социальному взрыву и распаду.

Всё очень просто. Чтобы воевать, нужны не только противоречия, причины и поводы. Нужна людская масса, которую можно выложить на геостратегический прилавок в виде пушечного мяса. И когда этой массы становится много, она превращается в необходимую, хотя и недостаточную, причину войны, особенно если социально-политические структуры и институты не способны превратить опасные массы в дисциплинированные классы. Так оно и произошло в Центральной и Восточной Европе на рубеже XIX–XX вв.

Как заметил У. Макнил, Первая мировая война стала жестоким средством решения проблемы сельской перенаселённости Европы (а Вторая, добавлю я, – средством решения проблем уже не только сельской, но и городской перенаселённости): *«Военные конвульсии XX в. можно рассматривать... как ответы на коллизии между ростом населения и теми ограничениями, которые налагали на него традиционные формы сельской жизни, особенно в Восточной и Центральной Европе»*. В конце XIX в. европейское население оказалось разбалансировано. Две мировые войны решили эту проблему в Европе в первой половине XX в. (так же, как французская революция и наполеоновские войны на рубеже XVIII–XIX вв.). После 1945 г. рост местного населения перестал быть проблемой для этой части света. (В России помимо Первой мировой войны функцию снятия аграрной перенаселённости выполнили отчасти гражданская война, отчасти – коллективизация; как выполнили – это другой вопрос.) Таким образом, мы видим, что, по крайней мере, в последние 250 лет из 400 лет борьбы за господство в Европе пикам, «девятому валу» этой борьбы предшествуют демографические пики.

О борьбе за господство в Европе и экономических циклах. Не менее интересно сопоставить провалы и подъёмы в европейской борьбе с динамикой технико-экономического развития вообще и «организации войны» в частности.

Начнём с экономики и взглянем на ситуацию сквозь призму «кондратьевских циклов» или «больших волн конъюнктуры», которые делятся по 50-60 лет и делятся на «повышательную» (подъём мировой экономики, или «А-Кондратьев», А-фаза) и «понижательную» (спад, «Б-Кондратьев», Б-фаза). Первый цикл – 1789-1849 («повышательная волна»: 1789-1814; «понижательная» – 1814-1849); второй – 1849-1896 (1849-1873, 1873-1896); третий – 1896-1945 (1896-1920, 1920-1945); Н. Д. Кондратьев был расстрелян в 1938 г. и начиная с Б-фазы третьего цикла дальнейшую датировку дают его последователи); четвёртый – 1945-? (1945-1973, 1973-?). Начало первого цикла совпадает с началом экономического роста современного (индустриального) типа и Великой французской революцией, конец – с европейской революцией 1848 г. и экономическим кризисом 1849 г.; середина второго цикла с кризисом 1873 г., середина четвёртого – с нефтяным кризисом. Знак вопроса в конце четвёртого цикла неслучаен: научно-техническая революция (НТР), формирование лидирующих постиндустриальных секторов и глобализация ставят под вопрос продолжение «кондратьевских циклов» или, как минимум, серьёзно деформируют их протекание.

Сам Н. Д. Кондратьев считал, что бо́льшая часть социальных потрясений – войн и революций – приходится главным образом на периоды «повышательных волн». Вот какой перечень он представил в прочитанном 6 февраля 1926 г. в Институте экономики докладе «Большие циклы экономической конъюнктуры».

«I. Период повышательной волны первого большого цикла:

1) Провозглашение независимости САСШ (США. – А.Ф.) и установление их конституции – 1783-1789 гг.; 2) французская революция 1789-1804 гг.; 3) первая военная коалиция против Франции и первый период наступательных войн Французской республики – 1793-1797 гг.; 4) война Франции с Англией (с 1793 по 1797 г. Англия участвует в коалиции) – 1793-1802 гг.; 5) вторая коалиция против Франции и второй период её наступательных войн – 1798-1802 гг.; 6) военно-политические революции и реформы в Голландии, Италии, Швейцарии, Германии, Испании, Португалии и других странах под прямым воздействием Франции – 1794-1812 гг.; 7) война России с Турцией – 1806-1812 гг.; 8) второй раздел Польши – 1793 г.; 9) третий раздел Польши – 1795 г.; 10) третья коалиция против Франции – 1805 г.; 11) четвёртая коалиция против Франции – 1806-1807 гг.; 12) континентальная блокада – 1807-1814 гг.;

13) восстания и войны в Испании и Италии с 1808 г.;

14) пятая коалиция против Франции – 1809-1810 гг.;

15) поход на Россию и отступление – 1812-1813 гг.;

16) испанская конституция – 1812 г.; 17) шестая коалиция против Франции и крушение империи Наполеона – 1813-1814 гг.; 18) временное возвышение Наполеона и окончательное поражение его в 1815 г.

II. Период понижательной волны первого большого цикла:

1) революционное возбуждение в Испании и провозглашение конституции 1812 г. – в 1820 г.; 2) революционное возбуждение в Италии (карбонары) и подавление его реакционной коалицией европейских держав – 1820-1823 гг.; 3) война с Турцией 1828-1829 гг. в связи с борьбой за независимость Греции; 4) Июльская революция во Франции в 1830 г. и её рецидивы в последующие годы (Париж, Лион) – 1830-1834 гг.; 5) движение чартистов в Англии – 1838-1848 гг.

III. Период повышательной волны второго большого цикла:

1) Февральская революция во Франции 1848 г.; 2) революционное движение в Италии и вмешательство иностранных сил – 1848-1849 гг.; 3) революционное движение в Германии – 1848-1849 гг.; 4) революционное движение в Австрии и Венгрии и подавление его в последней иностранным вмешательством – 1848-1849 гг.;

5) бонапартистский переворот во Франции 1851 г.;

6) Крымская война 1853-1856 гг.; 7) образование Румынии – 1859 г.; 8) война Австрии с Италией и Францией – 1858-1859 гг.; 9) национальное движение в Италии за её объединение – 1859-1870 гг.; 10) национальное движение в Германии за её объединение – 1862-1870 гг.; 11) гражданская война в Соединённых Штатах Северной Америки – 1861-1865 гг.; 12) восстание Герцеговины – 1861 г.; 13) война Пруссии и Австрии против Дании – 1864 г.; 14) война Австрии и южно-германских государств с Пруссией и Италией – 1866 г.; 15) освобождение Сербии – 1867 г.; 16) франко-прусская война 1870-1871 гг.; 17) революция в Париже, Парижская коммуна и её подавление – 1870-1871 гг.; 18) образование Германской империи – 1870-1871 гг.

IV. Период понижательной волны второго большого цикла:

1) восстание Герцеговины против Турции – 1875 г.; 2) Русско-турецкая война при вмешательстве Австрии – 1877-1878 гг.; 3) начало раздела Африки между европейскими империалистическими странами (Франция, Германия, Италия, Англия), сопровождающиеся столкновениями с туземцами, – 1870-1890 гг.; 4) образование объединённой Болгарии – 1885 г.

V. Период повышательной волны третьего большого цикла:

1) столкновение Японии и Китая – 1895 г.; 2) война Турции с Грецией из-за Крита – 1897 г.; 3) Испано-американская война 1898 г.; 4) Англо-бурская война 1899-1902 гг.; 5) воен-

ная экспедиция великих держав в Китай – 1900 г.; 6) объявление Федерации Австралийской республики – 1901 г.; 7) русско-японская война – 1904-1905 гг.; 8) русская революция 1905 г.; 9) турецкая революция 1908 г.; 10) аннексия Боснии и Герцеговины – 1908 г.; 11) военная экспедиция Франции в Марокко и мароккский конфликт между Францией и Германией – 1907-1909 гг.; 12) военное столкновение Италии с Турцией из-за Триполи – 1911-1912 гг.; 13) первая Балканская война 1912-1913 гг.; 14) вторая Балканская война 1913 г.; 15) новый переворот в Турции – 1913 г.; 16) китайская революция с 1911 г.; 17) мировая война 1914-1918 гг.; 18) русская революция в феврале 1917 г.; 19) Октябрьская революция в России, гражданская война и иностранная интервенция – 1917-1921 гг.; 20) революция в Германии – 1918-1919 гг.; 21) революция в Австро-Венгрии – 1918-1919 гг.; 22) переустройство карты Европы по Версальскому миру – 1918 г.».

Кондратьев довёл свой список до 1918 г. Однако в середине третьего цикла, в «длинные двадцатые» (1914-1934 гг.) в капиталистической системе произошли серьёзные изменения, и «понижательная» волна 1920-1945 гг. оказалась не менее, а более насыщена событиями, чем «повышательная», представляя собою по сути сплошную войну. Сравнение двух волн четвертого цикла тоже вносит серьёзные поправки в отмеченную Н. Д. Кондратьевым для первых двух с половиной циклов регулярность. Возможно, мутация мирового капитализма XX в. связана с окончанием эпохи классического капитализма (1780-е – 1914 гг.), «цивилизации XIX века» и наступлением эпохи социально-военного капитализма, черту под которым подвели НТР, глобализация и... крушение советского коммунизма.

В начале XX в. закончилась восходящая фаза развития капитализма, к тому же он и территориально исчерпал планету, мир был поделён, а дальше был возможен только передел с учащением конфликтов и войн, с одной стороны, и усилением эксплуатации колоний и полуколоний, с другой. Поэтому на понижительной волне 1920-1945 гг. третьего цикла зафиксированная Н. Д. Кондратьевым корреляция/регулярность соотношения экономики и международной политики нарушилась и сломалась. В 1930-е годы к этому добавился ещё один источник перманентных социальных потрясений: из кризиса 1929 г. центр мировой экономики, как отмечают специалисты, стал выходить по пути производства специфической некоммерческой продукции – вооружений и создания «экономики вооружений». Она оказала мощное стимулирующее воздействие на мировую экономику и в то же время дестабилизировала мировую политику, обусловив её движение к новой войне, одной из экономических целей которой стало сознательное уничтожение промышленного и человеческого потенциала. Сорокалетняя «холодная война» с её нарастающей гонкой вооружений ещё больше стёрла международно-политические различия между кондратьевскими фазами.

Иными словами, в ходе четырёхсотлетней борьбы за господство в Европе в начале XX в., а ещё точнее, в эпоху, которую голландский историк Я. Ромейн назвал «водоразделом», т. е. в 1873-1914 гг., произошёл перелом в соотношении экономики и политики, промышленности и войны. Если для эпохи пика британской гегемонии (1815-1873) характерна индустриализация войны, то в «эпоху соперничества» (1873-1945) и «холодной войны» (1945-1989/91) восторжествовала милитаризация экономики. Ныне, спустя более десятка лет после распада СССР и окончания «холодной войны», парадоксальным образом происходит дальнейшая и беспрецедентная милитаризация экономики США под предлогом войны с «мировым терроризмом», которая к радости американского военно-промышленно-интеллектуального комплекса планируется на десятилетия.

«Организация войны». Если говорить об «организации войны», то надо согласиться с У. Макниллом, который считает, что в Западной Европе уже с XIV в. военное дело коммерциализировалось и возник военный рынок. Развивая эту логику дальше, можно сказать, что в XVII в. армии превращаются в своеобразные военные мануфактуры. Важное место

здесь занимают нововведения Морица Нассауского (1567-1625) и Тридцатилетняя война (деятельность Густава-Адольфа, 1594-1632; Валленштейна, 1583-1634; Тилли, 1532-1632 и Бернгарда Саксен-Веймарского и Франконского, 1604-1639), создавшая массового наёмного работника военного труда и инфраструктуру, адекватную «военной мануфактуре», а ещё точнее – «военно-социальной машине» с легко заменяемыми частями, и стандартизовавшая/стабилизировавшая армию; впрочем, «*every acquisition is a loss*» («*всякое приобретение есть потеря*»): с 1690-х по 1840-е годы резко замедляется развитие ручного оружия, столь стремительное в XV–XVII вв., – темп изобретений стал сдерживаться тем, что армию со стандартизированным вооружением труднее и дороже перевооружить.

Особого внимания заслуживают мероприятия Морица Нассауского, который применил в борьбе с испанцами три нововведения: во-первых, он вернулся к римской практике рытья окопов и создания укрепленного лагеря, в результате «*осада стала вопросом инженерии, т. е. перемещения больших масс земли*» (У. Макнил); во-вторых, он вёл систематические упражнения и муштру в лучшем смысле этого слова, превратившего совокупность людей в коллективного воина – тактическую единицу со всеми военными, психологическими и моральными последствиями; в-третьих, он разбил армию на меньшие, чем прежде, тактические единицы – батальоны по 500-600 чел., очень напоминающие римские манипулы. Вот это организационное изобретение и проявило себя в XVII в. в том числе и в войнах Людовика XIV.

В XVIII в., как раз между попытками Людовика XIV и Наполеона, произошла – опять же прав Макнил – бюрократизация насилия в Европе, бюрократизация армии, в чём преуспела прежде всего Пруссия, особенно при Фридрихе II. Развитие артиллерии во второй половине XVIII в., особенно во Франции, потерпевшей поражение в Семилетней войне и стремившейся как можно быстрее встать на ноги, было по сути военным аналогом промышленной революции. В течение нескольких десятилетий благодаря активности генерала и инженера Жана-Батиста Грибоволя (1715-1789), Франция получила лучшую в Европе артиллерию, что и доказала в революционных и Наполеоновских войнах (символично и то, что Наполеон был артиллерийским офицером). Однако что может поделаться частичная индустриализация с тотальной, которую продемонстрировала Англия и результаты которой проявились и в конечном итоге Наполеоновских войн, и в Крымской войне, и во многом другом? Одной из ярких военных иллюстраций такой индустриализации стал британский морской флот.

С 1840-х годов начинается индустриализация войны, в которой, однако, англичане уже в 1880-е годы начинают утрачивать лидерство. Впрочем, то было начало утраты британской гегемонии вообще. В 1900 г. англичане произвели 5 млн. тонн стали, немцы – 6,3 млн.; в 1913 г. англичане – 7,7 млн., немцы – 17,6 млн. (правда, США произвели соответственно 10,3 млн. т и 31,8 млн. т; а Россия – 2,2 млн. т и 4,8 млн. т). Потребление энергии: 1890 г.: Британия – 145 млн. метрических тонн угольного эквивалента, Германия – 7,1 млн.; 1913 г. – 195 млн. и 187 млн. (США – соответственно 147 млн. и 541 млн., Россия – 10,9 млн. и 54 млн.). Ещё более впечатляют в англо-германской дуэли цифры совокупного промышленного потенциала (за 100 % взят уровень Великобритании 1900 г.). 1880 г. – 73,3 у Великобритании и 27,4 у Германии; 1913 г. – 127,2 и 137,7 соответственно (у США – 46,9 и 298,1, у России – 24,5 и 76,6). Доля в мировом промышленном производстве в 1900 г.: Британия – 18,5 %, Германия – 13,2 %; в 1913 г.: Британия – 13,6 %, Германия – 14,8 % (США – 23,6 % и 32 %, Россия – 7,6 % и 8,2 %). Темпы роста промышленного производства в 1870-1913 гг. у Германии – 4,5 %, у Великобритании – 2,1 %; экспорта – 4,1 % и 2,8 % соответственно; при этом население Германии росло почти в два раза быстрее, чем Великобритании. С 1880 по 1913 г. объём мировой торговли утроился, причём, как отмечает Д. Ховарт, не в последнюю

очередь за счёт Германии: британский экспорт снизился с 40 % до 27 % мирового объёма, а немецкий увеличился с 17 % до 22 %.

В конце XIX в. начинают возникать военно-промышленные комплексы, прежде всего в Германии. Развитие самого промышленного производства начинает в значительной степени подчиняться логике развития военного сектора. Это, в свою очередь, было связано с ослаблением британской гегемонии и началом очередной «эпохи соперничества» («эпохи империализма»), совпавшего, как уже говорилось, с началом понижательной волны кондратьевского цикла.

Борьба за мировое и европейское господство на «вильгельмовском» и «гитлеровском» «пиках» – это схватка военно-промышленных комплексов и массовых обществ, организованных или идейно дисциплинированных, как мог бы сказать Мишель Фуко, с помощью, главным образом, национализма и социализма или какой-то их комбинации (интернационал-социализм большевиков, национал-социализм). И здесь самое время поговорить о религии и идеологии как факторах и средствах борьбы за господство в Европе и в мире.

Идеология и борьба за господство в Европе и мире.

Последние четыреста лет борьбы за политическое господство в Европе отмечены острой, а порой жесточайшей идейной – религиозной и идеологической – борьбой, политическая и идейная борьба тесно переплетаются.

«Габсбургский тур» борьбы тесно связан с противостоянием католицизма и протестантизма. В идейном плане Габсбурги выступали как защитники католического универсализма от протестантского национализма, за которым, впрочем, прочитывается универсализм нерелигиозный, экономический, т. е. универсализм мирового рынка. В Тридцатилетней войне религиозная форма выражена вполне отчётливо, да и в войнах Людовика XIV она, пусть и пунктиром, но сохраняется.

В революционных и Наполеоновских войнах идейная компонента была весьма сильна – универсализм Просвещения, «свобода, равенство, братство», вызвавшие против себя националистически-романтическую реакцию. Однако наибольшую остроту идеологический аспект борьбы за господство в Европе приобрёл в XX в., во время германо-англосаксонского (германо-англо-американского) и советско-англосаксонского (советско-американского) противостояния.

Как известно, эпоха Модерна породила три великие идеологии – консерватизм, либерализм, марксизм. Феномен идеологии (термин впервые употреблён в 1796 г.) был порождён Великой французской революцией, со всей ясностью продемонстрировавшей неизбежный характер социальных изменений. Качественно различных реакций на эти изменения, диктующей определённый социально-политический проект, могло быть только три. Первая – отрицательная: подморозить, законсервировать развитие – консерватизм. Вторая – положительная: способствовать постепенному, эволюционному развитию на основе рынка и примата индивида над коллективом. Третья – тоже положительная, но ставящая во главу угла не эволюционное, а революционное изменение. Марксизм отрицал как консерватизм, так и либерализм, однако некоторые стороны трёх идеологий совпадали. Так, марксисты и либералы разделяли веру в прогресс; либералов и консерваторов могло примирить отношение к частной собственности и общественному порядку, с одной стороны, и к социальной революции – с другой, а марксиста и консерватора – акцентирование коллективистского начала, хотя и понимаемого по-разному. Однако, несмотря на эти точки снижения напряжённости, идеологические различия как во внутренней, так и в международной политике носили вполне отчётливый характер.

«Официальной» идеологией англосаксонских гегемонов капиталистической системы был либерализм – акцентирование самодостаточной роли рынка, свободы и прав индивида, акцент на постепенные изменения и эмпирическое знание. Либерализм с его принципом

свободы (без равенства) и соревнования (в котором побеждает сильнейший, т. е. тот, у кого деньги и власть) оказывался мощным оружием англосаксов, причём вдвойне. Во-первых, он работал на сильного, т. е. на гегемона. Во-вторых, он ослаблял слабого, т. к. навязывал ему те ценности, идеи и правила игры, которые сформулированы сильным в его интересах, отражают его уникальный опыт развития, который англосаксы представили в виде универсального как в плане целей, так и в плане средств. Всем остальным предоставлялось лишь имитировать его, т. е. участвовать в игре на заведомый проигрыш.

Как писал весной 1904 г. А. Суворин, «...образованная Европа, во главе с Англией (подч. мной. – А.Ф.), считает негодование (моральное – А.Ф.) – в медный грош, вежливые дипломатические фразы – в копейку, но зато ценит высоко ум, талант и энергию и стояние за родные интересы во что бы то ни стало. Она считает, нимало не смущаясь, свои родные интересы обязательными для всего человечества. Стояние же за международные и общечеловеческие интересы русских людей доказывают только, что эти русские люди, игнорируя родные интересы, показывают себя нулями и в общечеловечестве и потому и относятся к нему как крепостные к своему барину».

Универсализм и партикуляризм. Это очень содержательная мысль, она привлекает внимание к нескольким важным моментам. Во-первых, она указывает на тот факт, что европейцы и прежде всего англосаксы свой **уникальный** и построенный, помимо прочего, на эксплуатации других народов тип развития представляют **универсальным**, т. е. необходимым и даже неизбежным для всех, включая эксплуатируемые народы. Европейский *теит* становится всеобщим *verum*, либеральные ценности (а следовательно – интересы) англосаксов, ядра капсистемы предъясняются как общечеловеческие. И это проходит: на эти ценности начинают активно работать как на свои целые группы в других странах.

Это лишний раз говорит о том, насколько грамотным, искушённым, изошрённым в мировой борьбе (не на жизнь, а на смерть) за власть, ресурсы и информацию являются англосаксы. Если немцы, как мы увидим ниже, свой партикуляризм выставили на обозрение в качестве ценности, не скрывая, что это партикуляризм («национализм»), который отрицает универсализм, то англосаксы свою специфику представили в виде универсального, общего для всех, которого они первыми достигли. В результате англосаксы оказались носителями света, а немцы 1930-х годов – носителями средневекового мрака.

Англичане, как и немцы, подчёркивали свою исключительность, избранность, однако то была не расовая избранность, а избранность в рамках универсального, как воплощение последнего. Не случайно сначала англичане, а затем американцы объявляли себя «новым Израилем», т. е. избранным народом, но никто не предъявил им обвинений в партикуляризме (несмотря на явную близость тезиса о богоизбранности к расово-этническому по своей сути иудаизму). И это не единственное, что сближает протестантизм, особенно в его англосаксонской версии – с акцентом на богоизбранность англосаксов – с иудаизмом. Протестантизм вообще и англосаксонский в частности – религия крайне практично-практическая, как и иудаизм, и существенно отличается этим от христиански имманентно непрактичных католицизма и православия. Ещё одно сближение – упор на Книгу (в одном случае – Талмуд, в другом – Библия с ветхозаветным акцентом), нередко по сути заслоняющую если не подменяющую Бога; начетническое толкование мертвых текстов – «талмудизм» – становится едва ли не важнее веры и проявляется не только в иудаизме (хотя в нём наиболее сильно), но и в протестантизме (а также в исламе).

А дель Валь в работе «Исламизм и США: союз против Европы» (Del Val, A. Islamisme et Etats-Unis: Une alliance contre l'Europe. – Lausanne: L'Age d'Homme, 1999), подчеркнул сходство между собой «религий Книги» (иудаизм, ислам, протестантизм) и их отличие от «религий Бога» (католицизм, православие), что в наши дни находит отражение и в политических союзах на «мировой доске».

Использование универсализма для реализации партикулярных, национальных целей (но в форме протестантизма, национализирующего универсальное, но те отрицающего его), с одной стороны, и отрицание универсализма (у национал-социалистов Германии), с другой – вот две разные стратегии. Конечно, англосаксам облегчал их манипуляции с универсальным тот факт, что они опирались на практический экономический универсализм мирового рынка, который они контролировали. Этим не могли похвастать другие – ни завзятые партикуляристы немцы, ни универсалисты французы и русские.

Либерализм у англосаксов и всех остальных: разные функции. Кроме того, мысль Суворина совершенно верно вскрывает принципиально различную роль и функцию либерализма и его «универсальных» ценностей и целей в англосаксонском ядре капсистемы и вне его. Либерализм англосаксов носил имперско-патриотический характер: *right or wrong, my country* («права или нет, но это моя страна») – вот поговорка, благодаря которой англосаксы установили свою гегемонию над миром. Либерализм в Германии, России, других странах таким не был; напротив, по преимуществу он был антигосударственным (антиимперским), непатриотичным.

Достаточно сравнить поведение английских либералов во время бурской войны и русских – во время русско-японской. Первые, несмотря на агрессивный характер действий Великобритании выступали с имперско-патриотических позиций. Вторые, несмотря на то, что это Япония напала на Россию без объявления войны, поливали грязью именно свою страну и дошли даже до поздравлений в адрес японского императора по случаю побед японцев. Да, либерализм всегда был мощным геокультурным оружием англосаксов.

Проникнув, как вирус, в социальную и идейно-политическую ткань неанглосаксонских обществ, он немедленно начинает работать в пользу «источника происхождения», поскольку именно Англия, а затем США были самопровозглашены образцом, моделью либерализма, институты которых надо было заимствовать, имитировать и т. д. Всё это называлось модернизацией и сама оценка развития всех обществ вне либерального англосаксонского ядра мировой системы стала зависеть от того, насколько успешно они имитируют/имплантируют англосаксонские, но объявленные универсальными, теорию и практику, принципы и ценности.

Ясно, что объективно это работало на ослабление стран-реципиентов либерализма, на подрыв их социально-экономического строя, на создание таких проблем, которые неорганичны для нормального развития этих обществ, а потому не могут быть решены адекватным образом (результат – распад, революция или диктатура, ещё менее либеральная, чем предшествующая власть); наконец, на усиление зависимости от англосаксонского ядра в экономике, политике, идеологии, на превращение в «нули» в мировой системе, в «крепостных» заморских «бар», пользуясь языком Суворина.

Универсализм русских играет с ними злую геоисторическую шутку: позволяя преодолеть этничность (а только это создаёт великие народы), он делает их крайне уязвимыми со стороны тех групп, которые этничность сохраняют, нарциссически пестуют и используют в качестве мощного социального оружия.

Неудивительно, что оппоненты англосаксов в европейской и мировой борьбе избирали иную, чем либерализм, идеологию. И дело здесь не только в национальных и исторических традициях, хотя, конечно же и в них. Дело и в прагматичной логике борьбы на мировой арене: либерализм при его воплощении в качестве экономической практики был заведомо пораженческой стратегией для противников англосаксов, геоисторическим «троянским (англосаксонским) конём», поэтому Второй рейх противопоставил англичанам консерватизм, Третий рейх – национал-социализм, а Советский Союз – интернационал-социализм, коммунизм (марксизм).

Обе разновидности социализма и консерватизм предполагают коллективистскую мобилизацию – единственное реальное средство борьбы с ушедшим вперёд противником. Правда, англосаксам часто удавалось представить свою идеологию единственно (универсально) правильной, прогрессивной и нормальной и, ставя ситуацию с ног на голову, приписать свои успехи своим ценностям, идеям и самих себя выставить в качестве защитников свобод и прав человека в мировом масштабе. И это тоже очень важный фактор в борьбе.

Так, «холодная война», которая была войной прежде всего идеологической или даже психоисторической, психоментальной, была выиграна Западом прежде всего потому, что ему удалось привить небольшой по численности, но очень активной и влиятельной части советской верхушки свои взгляды на мир вообще и на советское общество в частности. Особенно обвальная (с помощью СМИ, кино) эта ситуация стала в перестроечном СССР. Никогда не забуду, как на международной конференции на о. Родос один индиец сказал мне, что с Индией в идейно-пропагандистском плане у американцев никогда не получится то, что получилось с СССР во времена горбачёвщины, поскольку, во-первых, индийцы практически полностью контролируют свою прессу и никому не позволят установить над ней контроль и, во-вторых, Голливуд никогда не вытеснит индийское кино, Болливуд (так по г. Бомбею, ныне – Мумбаи, называют центр индийской киноиндустрии) способен в Индии переиграть любого конкурента.

Один из факторов, облегчивших либеральной идеологии проникновение в домен «советской идеологии», «советского марксизма» и их разложения заключается, помимо неверия в них уже к началу 1970-х годов основной массы населения, в наличии у либерализма и марксизма общего – веры в универсализм и прогресс, ведь либерализм и марксизм суть две составные части или даже два аспекта прогрессивной и рациональной геокультуры Просвещения, у них имелся «универсальный лексикон».

А вот, например, с национал-социализмом, где царили не разум, а воля, не универсализм, а почва, кровь и раса, ситуация была принципиально иной. И в этом была как сила гитлеровского режима и национал-социализма внутри страны и вне её в экономической сфере, так и её слабость в сфере международной политики и мировой прогрессивной «идеологии» – здесь Гитлер с его режимом оказывался изгоем, воплощением досовременного строя и просто мирового зла. На самом же деле, в силу национальных традиций, исторической ситуации «длинных двадцатых» (1914-1934 гг.) в Германии и Европе, логики мирового развития (структурный кризис капитализма первой трети XX в.) у гитлеровского, да и у любого немецкого режима, не согласного стоять на коленях перед англосаксами и, более того, готового побороться с ними за гегемонию в капиталистической системе и в то же время выступающего с антикоммунистических позиций, выбор был небольшой. Ситуация советских коммунистов была в известном смысле проще и яснее.

Коммунизм, национал-социализм и универсализм, или кое-что из области социологической комбинаторики. Коммунистический проект был просвещенческим, универсалистским, он основывался на признании разума, всемирно-исторических законов и на вере в прогресс. В этом смысле, несмотря на противостояние капиталистическому миру с господствующей в его ядре идеологией либерализма, у коммунизма был универсальный (в прямом и переносном смысле слова) лексикон для общения с западными демократиями. Марксизм, как и либерализм, – идеология универсалистская.

Программа нацистской Германии не посягала на капитализм, не предполагала его разрушения. Она должна была изменить правила игры в капиталистической системе – с универсалистских на партикуляристские. Иерархия и месторасположение в капиталистической системе, согласно нацистскому подходу, должны были определяться расово-этническим критерием – да здравствуют циркуль (но не масонский, а обычный) и линейка!

Коммунизм был попыткой построить антикапитализм («посткапитализм») на универсалистской основе, иными словами, покинуть капитализм по универсалистским рельсам – так сказать, просвещенческий антикапитализм. Национал-социалисты играли не только по другим правилам, но и на другом поле. Они хотели уйти не из капитализма (он сохранялся), а из современного (modern) общества и создать капиталистический социум и Рейх на партикуляристской, антиуниверсалистской основе – так сказать, антипросвещенческий и антихристианский капитализм (привет от тысячелетнего германского язычества и варварства). Отсюда – и неприятие как христианства, так и либерализма (и, естественно, либеральной (буржуазной) демократии), и германство как традиция комбинирующая варварство и язычество. Всё это оказалось весьма кстати. Гитлер и есть воплощение и продукт этого синтеза. В то же время, если одна сторона для данного синтеза «обеспечивалась» особенностями и логикой развития капиталистической системы и положения Германии в ней, то другую сторону могла обеспечить только специфическая немецкая традиция, её реакция на все виды универсализма вообще.

Немецкий антиуниверсалистский бунт. Под этим углом зрения национал-социализм и гитлеровский режим – это практический ответ с запозданием на 150-200 лет французскому Просвещению, французской революции и Наполеону, материализация **специфическим образом** немецкого романтизма (то, что Гитлер был романтиком, сомнений не вызывает). Но дело не в самом *Homo Hitler*, а в том, что он представлял мощную традицию германского духовного развития.

В опубликованной в 1945 г. книге «Западный мир» Ройс Брир писал, что немцы к середине XIX в. оказались у «мёртвого конца» цивилизации просвещённого (и просвещенческого) Запада и превратились *«в совершенное средство для тёмных сил нецивилизованного (uncivilized) прошлого... Они поставили грандиозную задачу контрреволюции по отношению к революции 1789 г.»*, и немецкий народ превратился в становой хребет внутриевропейской атаки против Запада, западной цивилизации.

Культурно-психологическую основу этой атаки Брир называет *«культурой рождественской ёлки»*, в которой мечтательная, «не от мира сего» сентиментальность бюргерского типа (жена, дети, друзья, церковь, жареный поросёнок, кружка пива, чистая скатерть и т. п.) заменяет цивилизацию в строгом смысле этого слова и где нежная и светлая любовь к своему легко сочетается с ненавистью к чужому, с мрачным и кровавым культом вагнеровского «Кольца», а чувство порядка и правильности заменяет чувство справедливости.

Хотя Брир несколько сгущает краски по поводу нецивилизованного (причём не в отрицательном – *noncivilized*, а в положительном – *uncivilized* смысле) прошлого, по сути он точно уловил особость положения немцев в системе европейской цивилизации и обозначил их геополитическую и геокультурную деятельность между 1848 и 1945 годами, особенно таковую Гитлера, как бунт против европейской цивилизации, немецкий национальный ответ европейскому универсализму. Немецкий историк Голо Манн, сын Томаса Манна, заметил, что гитлеровская революция была полностью немецким явлением, тогда как революция 1848 г. в Германии (её, кстати, превозносит Брир), была всего лишь имитацией Запада, к тому же неверно – на западоцентричный манер – понятой и представленной Марксом.

Однако немецкий романтизм первой трети XIX в., ни гитлеровский рейх не были первым бунтом против европейского универсализма. Первым бунтом такого рода были 95 тезисов монаха-августинца Мартина Лютера, «прибитые» 31 октября 1517 г. в канун праздника Всех Святых к дверям часовни в Виттенберге.

Не случайно именно немцы стали застрельщиками протестантской революции – религиозного националистического бунта против религиозного универсализма. Немцы почти постоянно оппонировали универсализму. Здесь не место говорить о причинах этого явле-

ния – это большой и сложный вопрос, выходящий далеко за рамки борьбы за господство в Европе. Поэтому ограничусь одним тезисом.

Один тезис. За целое тысячелетие христианство с его универсализмом так и не смогло как следует укрепиться в германском Барбарикуме и по-настоящему, содержательно преодолеть язычество. Вальтер Шубарт, подчёркивая, что не даёт оценку, а лишь констатирует факт, заметил, что немец – *«нехристианин в самой глубинной основе своего сердца, он собирательный образец нехристианских черт и сознаёт это»*. Эта нехристианскость тесно связана с земляческим укладом жизни немцев, их партикуляризмом, не универсализмом. Послушаем ещё Шубарта: *«Немец – чистейший представитель «частичного» человека. Немецкость – это протест части против целого (именно в этом смысле Достоевский назвал немцев протестующим народом)»*. А когда партикуляризм сталкивается с универсализмом, он легко превращается в бунташный антиуниверсализм.

В «германизированное христианство» был встроено мощный потенциал антиуниверсализма, который, помимо традиции, подпитывался и европейскими политико-экономическими обстоятельствами (достаточно взглянуть на политическую карту германских земель в Средние века и раннее Новое время). Этот антиуниверсализм, как только предоставлялась возможность, выплёскивался в качестве «немецкого бунта, осмысленного, а потому сверхбеспощадного» против универсализма, будь то католицизм, европейскость (Брир: *«Немецкий народ не чувствует себя в Европе как дома. Он обладает такими базовыми свойствами, которые по сути не являются европейскими. Возможно главное из них – раздражительность, вспыльчивость, нетерпимость»*, т. е. варварские качества, которые обычно смягчаются культурой и цивилизацией) или просвещение, либерализм или марксизм.

Под таким углом зрения гитлеровский национал-социализм (кстати, весьма враждебно относившийся к христианству) оказывается последним и сверхмощным, с одной стороны, вобравшим все предыдущие бунты язычества и немецкого партикуляризма против универсализма в принципе, с другой, получившим в качестве своей основы индустриальный капитализм; это попытка окончательного решения вопроса «Германия и Европа». Поскольку на пути решения этого вопроса стояла европейская система государств, идейной основой которой были либеральные принципы, то она, естественно, должна была быть сметена, а на её место поставлена имперски объединённая на германский лад континентальная Европа – райхосоюз. Но дело вовсе не только в идейном обрамлении европейской системы государств, а в её сути и в том, каким ликом она поворачивалась к немцам, какое место отводилось/указывалось им в ней.

Немцы и европейская система государств: болезненный опыт. В течение веков европейская система государств конструировалась так, что немцы проигрывали – либо оказывались вообще лишёнными своей государственности (как это произошло в Вестфальской системе, установившейся после Тридцатилетней войны), либо ставились в невыгодное (как после Наполеоновских войн) или просто унижительное и катастрофическое положение (как в Версальской системе после Первой мировой войны), с которым невозможно было мириться и немецкий народ не смирился, используя в качестве оружия борьбы национал-социализм. Многовековой, коренящийся в язычестве партикуляристский инстинкт совпал с логикой борьбы в мировой системе эпохи кризиса классического и становления государственно-монополистического капитализма и отлился в национал-социализм в теории и практике и в стремление уничтожить систему государств (с XVII в. почти каждая новая структура этой системы ухудшала положение немцев и германских княжеств и государств, с необходимостью вырабатывая в них отрицательные чувства) и объединить Европу в рамках новой империи – Тысячелетнего Третьего рейха. Так многовековое германское прошлое предоставило средства для решения новейших проблем и дилемм, а эти последние создали спрос и условия для актуализации этого прошлого. Именно катастрофическая ситуация

после поражения в Первой мировой войне заставила немцев максимально напрячь силы и интеллект – особенно последний – чтобы действовать в ограниченных возможностях того небольшого выбора, о котором я сказал выше.

В 1944 г. Карл Полянши писал, что потерпев в 1918 г. поражение, Германия сумела понять как его причины, так и то в XIX в., что привело к ним. *«Нечто вроде зловещего интеллектуального превосходства (над противником. – А.Ф.) было выработано её государственными деятелями тридцатых, поставившими задачу разрушения (существующего мирового – версальского – порядка. – А.Ф.), которая предполагала развитие новых методов финансов, торговли, войны и социальной организации»*. Но то же можно сказать и о большевиках в России. Правда, с той лишь разницей, что целью глобального проекта большевиков было уничтожение капитализма и социосистемная перестройка мира на антикапиталистической основе, а целью Гитлера – прежде всего германизованная Европа. Средством достижения этой цели стал замешанный на дрожжах немецкого партикуляризма и выпеченный в индустриально-промышленной капиталистической печи национал-социализм, ставший во многом ловушкой. В середине XX в., века универсалистского, оптимистичного и циничного, идеология, замешанная на мифологии в духе «гибели богов» и партикуляризме расы и крови, мрачная риторика Vernichtung'a и Weltfeind'a едва ли могли быть эффективными за пределами Рейха (время фэнтэзи, жанра который займет место научной фантастики, наступит в конце века).

Избрав партикуляристскую, антиуниверсалистскую идеологию в качестве идейного средства борьбы за мировую гегемонию вообще и гегемонию в капиталистической системе в частности, нацисты социокультурно противопоставили себя доминирующей просвещенческой (либерально-марксистской) геокультуре Современности (1789-1991) в целом – геокультуре, коренящейся в Просвещении, бросили ей вызов. И не только ей, а Модерну как социокультурному типу. С этой точки зрения, в известном смысле правы те, кто квалифицировал нацистский проект как бунт темных сил прошлого против Просвещения и Великой Французской революции (а еще точнее – Великой европейской революции) 1789-1848 гг., как контрреволюцию в самом широком смысле этого слова. На знамени этой контрреволюции было начертано: Государство, Раса, Воля. Так Воля была противопоставлена Разуму, Раса – Человечеству, Государство – Индивиду и его обществу, т. е. гражданскому.

Показательно, что если Наполеона положительно воспринимали многие даже в завоевываемых странах (достаточно вспомнить отношение к нему Гёте, Гегеля, Бетховена, многих в России), то Гитлера воспринимали совершенно иначе. Будучи врагом Великобритании, немецких государств и России, Наполеон не выступал в качестве врага европейской универсалистской (в её просвещенческой форме) цивилизации. А вот Гитлер выступал именно как такой нутряной враг, а не просто противник тех или иных государств.

Если Наполеон свою борьбу против англосаксов за гегемонию облёк в господствующие формы европейского геокультурного Модерна, которые стали выполнять роль европейской цивилизации капиталистической эпохи, то у Гитлера выходило наоборот: борьба за гегемонию, выступала как средство установления антиуниверсалистского геокультурного и социального порядка. Так сказать, социальный капитализм (капитализированный социализм), на антиуниверсалистской – национальной, расово-этнической основе. Ясно, что такого противника легко представить в качестве Мирового Зла и Врага Человечества, тем более, что и сам он, охваченный инфернально-сентиментальным романтическим пылом, не очень этому сопротивляется и ведёт себя как таковое (таковой), обещая страшное будущее европейскому человеку.

Кто знает, возможно, пройдет несколько десятилетий капиталистической глобализации по-американски, по сути справляющей свои неоконсервативные «поминки по Просвещению» (Дж. Грэй) и национал-социализм как тип идейной конструкции станет воспри-

ниматься если не положительно, то, по крайней мере, как адекватное и **прогрессивное** средство борьбы с такой глобализацией, обрекающей на регресс 80 % человечества. Похоже, Гитлер пришёл слишком рано и к тому же с немецкой ригидностью сделал упор на расово-этнической проблематике, причём в такой форме, против которой станет протестовать любой нормальный человек.

Если Наполеон, по меткому замечанию Ф. Фехера, стремился создать гражданское общество без демократии, то Гитлер хотел свести к минимуму само гражданское общество, сделав его границы пунктирными, а само общество превратить в совокупность корпораций (о демократии речь, естественно, вообще не идет). Поскольку все это еще и сопровождалось планом создания расово-этнической иерархии капиталистической системы, то ясно, что **идейно**-политически нацисты загоняли себя в угол, противопоставив как остальной части капиталистического мира, так и СССР и оказавшись в положении Мирового Зла, встающего над миром подобно толкиновской «Завесе Мрака» с Гитлером в качестве персонажника этого Зла.

Вожди континенталов – сверхлидеры. Почему? Коль мы заговорили о Гитлере, то это хороший исходный пункт ещё для одной линии размышлений, связанных с книгой Дехийо, – о роли лидеров, вождей, личностей в борьбе за господство в Европе. И вот какая интересная регулярность выявляется в этом плане. Наиболее известные и яркие лидеры эпохи четырёхсотлетней борьбы за господство в Европе – это почти сплошь и рядом монархи и главы континентальных государств, бросающие вызов островным (морским) государствам, и они намного превосходят по яркости своих «морских» визави.

Разумеется, никто не станет отрицать исторической роли Елизаветы I, Вильгельма Оранского, герцога Мальборо, обоих Питтов, Черчилля или Франклина Рузвельта. И всё же Карл V, Филипп II, Людовик XIV, Наполеон, Бисмарк, Гитлер – это в целом совсем другой масштаб, другое значение, несмотря на последовавшее в конечном счёте геоисторическое и личное поражение. Так почему же именно континентальные державы порождали наиболее заметных и великих по масштабу, размаху деятельности и следу в истории монархов и лидеров? И почему, несмотря на это, последние проигрывали свою историческую схватку менее ярким оппонентам? Почему лидеры морских держав не столь ярки, так сказать (утрируя), серые победители? Регулярность, повторяемость ситуации не позволяет так просто отмахнуться от неё.

Итак, почему во главе борьбы континентальных держав против европейского (мирового) гегемона оказывались сверхяркие личности, исторические деятели крупнейшего калибра, вожди. Морские гегемоны этим похвалиться не могут. А чем они могут похвалиться? Ответ прост: отлаженной политико-экономической машиной, в основе которой – не только экономическое могущество, но и мощный, хорошо организованный и отлаженный социально умелый и опытный господствующий класс, навязавший населению свои ценности и представления («культурная гегемония»). Именно такой класс сформировался в англосаксонских странах, прежде всего в Великобритании и именно этот класс был самым мощным социальным оружием англосаксов на мировой арене.

Как правило, классы («социальные машины») такого уровня и качества в сверхлидерах не нуждаются, они побеждают системой (организацией) и рутинной. Только на ранних стадиях здесь нужны яркие лидеры и их будут терпеть (Вильгельм Оранский, Питт-младший), да ещё форс-мажорные обстоятельства, крайняя опасность способна расчистить пространство для более или менее яркой личности (У. Черчилль, в меньшей степени Ф. Рузвельт), которая с наступлением стабилизации уходит или её убирают.

Иная ситуация у догоняющих стран, у претендентов на гегемонию, которые, как мы знаем, концентрируются на континенте (полуострове). Как правило, структура этих стран характеризуется разрывом, противоречием между экономикой и политическим строем, кото-

рый не поспевает за бурным развитием экономики. Этот разрыв преодолевается, а противоречие снимается посредством революций («лево-якобинской» во Франции 1789 г. и «правоякобинской» в Германии 1933 г.) и появлением сверхлидеров, харизматических лидеров (Наполеон и Гитлер). Эти лидеры, помимо прочего, **лично** компенсируют **институциональную** неадекватность господствующих групп внутри страны и на международной арене, создают на личностном уровне то, что слабо на надличностном групповом.

Ясно, что обеспечить такого рода компенсацию способна действительно крайне незаурядная личность, намного возвышающаяся над этим общим уровнем, преодолевающая его и недостаточную институционализированность системы. Можно сказать, что само появление таких лидеров есть мера социосистемной слабости («несистемности») господствующих групп общества-претендента, их несформированности не только в класс-для-себя, но просто в некую целостность, структурно адекватную современному миру. В такой ситуации революционный сверхлидер – единственный тип руководства, который даёт возможность претенденту потягаться с гегемоном как системой и с международной системой выстроенной гегемоном и обещает неплохие шансы в этой борьбе.

Достоинство, сильная сторона сверхлидерства, «харизматического» лидерства – максимальная, доведённая до социальной единицы «физического индивида» концентрация принятия решений и их скорость (социальная машина чаще всего медлительна, особенно на начальных стадиях борьбы); к тому же неординарные личные качества как бы переносятся на более крупное целое, волей и мозгом которого становится вождь.

Однако у каждого достоинства есть обратная сторона – слабость. Во-первых, континентальные сверхлидеры несут на себе отпечаток того слоя, недостатки и слабости которого должен компенсировать сам факт их появления-выдвижения. И чем ярче и масштабнее лидер, тем сильнее этот отпечаток, тем более острые противоречия в поведении и решениях лидера он порождает, тем масштабнее их ошибки лидера этого – «системно-компенсаторного» – типа. В наибольшей степени всё это проявилось у Гитлера. Во-вторых, то, что длительное время способствовало успеху континенталов, – сильное и яркое лидерство, – воплощённое в одном человеке, – становилось в конечном счёте причиной поражений. Ведь поскольку все решения принимает один человек, его ошибка стоит на порядки дороже и может иметь последствия на порядки катастрофичнее, чем ошибка даже высокопоставленного чина при не- (или слабо-) персонализированном руководстве.

Ошибки континентальных сверхлидеров. Об этом интересно рассуждает Дж. Паркер, автор ряда книг по европейской истории XVII в. В работе «Большая стратегия Филиппа II» (Parker G. Grand Strategy of Philip II. – New Haven, L.: Yale univ. press, 1998) он пишет, что принимая главные решения лично, Филипп II, как и Гитлер, полагаясь только на себя, стремился лично получить максимум информации, которая, по сути, носила нефилтрованный характер и в этом «море» можно было просто утонуть. В ситуации переизбытка информации очень часто приходилось принимать решения, полагаясь на интуицию. Хорошо, когда она срабатывала – и так бывало неоднократно. Но так бывало далеко не всегда, что приводило к фатальным последствиям. У Филиппа II это было решение нападения на Англию с моря (казус с «Армадой», по поводу которого сэр Уолтер Рэли заметил, что решение напасть на Англию таким образом *«больше пристало властителю, полагающемуся на судьбу, чем тому, что обогащен пониманием»*), у Гитлера – решение летом 1941 г. после взятия Смоленска развернуть наступление в южном направлении, вместо того, чтобы быстрым броском взять Москву (Х. Гудериан и другие позднее напишут, что эта ошибка имела фатальные последствия для всей русской кампании). Немало написано об ошибках Людовика XIV, Наполеона и того же Гитлера.

В основе многих из этих ошибок лежит, помимо прочего, одна причина, и Дехийо несколько раз обращается к ней: непонимание континентальными монархами и лидерами

возможностей и намерений островных держав и неоправданный простой количественный перенос континентальных западноевропейских реалий и принципов на мировую политику. Особенно это характерно для немцев и Дехийо прав, когда пишет, что история послебисмарковской Германии – это *«печальная история постоянной неспособности континентальных жителей по достоинству и адекватно оценить необычные и скрытые источники силы островных наций. Эта неспособность представляет собой базовое явление»*, в котором интеллект подчиняется воле к жизни с катастрофическими последствиями.

Именно геополитическая некомпетентность привела к тому, что немцы рассматривали мировую политику по аналогии с европейской, и в результате пустились в мировую авантюру XX в. на основе ограниченного опыта континентальной державы XIX в., не принимая в расчёт русский и американский факторы и потому, например, не предвидели возможности объединения Британии и России – в европейских масштабах подобное, действительно, было крайне маловероятно, а на мировой шахматной доске – вполне возможно.

Всё это не позволило немцам реализовать полностью в 1930-е – первой половине 1940-х годов то *«зловещее интеллектуальное превосходство»*, о котором писал К. Поланьи, и которое в течение нескольких лет принесло им ошеломляющий успех дома и в Западной Европе.

Некомпетентность, континентально-европейская ограниченность и прусско-немецкий самоуверенный провинциализм порождали катастрофические иллюзии. О том, какую роль иллюзии играли в мировоззрении Гитлера, свидетельствует, в частности, его отношение к Великобритании, к Британской империи, с которой он, по сути, всегда готов был заключить мир. Полагая, что сможет договориться с англичанами и дружить с ними, а точнее, быть допущенным в дружбу. Трудно сказать, чего больше было в этой вере – стремления плебея дружить с аристократом или немецкого исторического комплекса перед британским львом. Нечто подобное, похоже, испытывал по отношению к англичанам и Наполеон – вот он, непреодоленный комплекс даже великих политических лидеров континента по отношению к островитянам, который исходно не мог не ослаблять позицию, точность расчёта и – волю, хотя у Наполеона иллюзий было конечно же меньше. В любом случае Гитлер не знал и не понимал геополитического правила замечательного русского геополитика Е. А. Едрихина-Вандама (1867-1933): *«Хуже вражды с англосаксом, может быть только одно – дружба с ним»*. С тем самым англосаксом, который исходит из того, что у Англии нет вечных друзей, а есть вечные интересы, а для этих интересов всегда были нужны слепые агенты, пешки в британской игре на континенте: Пруссия, Испания, Германия, Россия. Сталин это понимал. Гитлер этого понимать не хотел, как и того, что Гитлер словно не понимал, что захватывая и объединяя под эгидой Германии Европу в некое целое, он материализует вековые кошмары правящего класса Великобритании (Европа, находящаяся под властью континентального гегемона, а не разделенная на два лагеря) и бросает этому классу такой вызов, с которым тот никогда не примирится. А потому мир и тем более дружба в данной ситуации исключены по определению.

Уже в 1940 г. Черчилль выразил серьезнейшие опасения по поводу того, что немцы могут создать единое европейское экономическое сообщество. Министр экономики Рейха Вальтер Функ прямо заявлял о необходимости создания экономически единой Европы (об этом пишет в своей книге «Сумерки Запада» К. Коукер), в чем его активно поддерживали бельгийцы, голландцы, французы. Гитлер в самом начале войны охарактеризовал ее не как просто германо-английский конфликт, а вопрос выражения общеевропейских интересов, т. е. создания Пан-Европы – это высказывание фюрера приводит историк Дж. Лукач в книге с красноречивым названием «Последняя европейская война, 1939-1941». И дело не только в том, что в свое время британцы поспособствовали Адольфу Алоизовичу на его пути к власти, чтобы использовать его потом, как в XVIII в. использовали Фридриха II (почему-то

названного великим) Прусского. Дело и в неверной оценке Гитлером мирового развития и места в ней Британской империи – рушащуюся империю он считал фактором, придающим устойчивость миру (т. е. проецировал на середину XX в. ситуацию XIX в.); в неумении адекватно оценить подъем США (т. е. узкоевропейский взгляд на мир в эпоху, когда Европа уже по сути закатилась – Шпенглера надо было читать внимательнее).

Впрочем, не только у немцев, но и у русских с мировым видением и «большой стратегией» было неважно. Как заметил в своих воспоминаниях Н. Е. Врангель, отец генерала П. Н. Врангеля – «чёрного барона», его *«всегда поражало непонимание Европой и особенно Англией России. Там верили в миф, были убеждены, что у русского правительства существует какая-то планомерная иностранная политика (речь идёт о второй половине XIX в. – А.Ф.), что русский двор стремится сознательными шагами к точно намеченной цели. И, что ещё более странно, вслед за Европой эту легенду уверовало не только само русское общество, но и само беспочвенное русское правительство»*, хотя на самом деле ни плана, ни последовательности в русской политике не было.

Когда-то, прочтя эти строки, я задался вопросом, а был ли период, когда в русской внешней политике были *«план и последовательность»*? Таких периодов оказалось очень мало. Это 1920-е – 1940-е годы; это, пожалуй, 1770-е – 1840-е годы и то с оговорками. Англичане ошибались по поводу русской политики, поскольку судили по себе. Необычайно искусный в жизненной борьбе народ – так охарактеризовал их Е. А. Едрихин-Вандам. В предисловии я уже цитировал его мысль об искусстве мировой шахматной игры англосаксов, его предсказание того, что мы, русские *«такого именно рода искусство увидим сейчас в действиях американцев и англичан против нас самих»* – так оно и вышло в XX в., особенно в 1980-е – 1990-е годы. Такого искусства не было ни у французов (даже у Наполеона, проигравшего, кстати, 7 кампаний из своих 14, не говоря о попытке в целом), ни у немцев, ни, как оказалось, у русских. И уже в силу этого все они не могли дать верную оценку островитян и совершали фатальные ошибки, особенно грешили этим соседи англичан в Западной Европе.

Революционные претенденты и будущее. Есть ещё одна интересная черта континентальных претендентов в войнах за господство в Европе и мире, по крайней мере, с главной фазы англо-французской борьбы за гегемонию – наполеоновских войн (Семилетняя война была прологом, разминкой). Все континентальные претенденты эпохи Модерна (речь идёт о его классической – 1789-1991 гг. – фазе, а не о ранней – XVII–XVIII вв.) – революционеры. Наполеон, Гитлер, Сталин – всё это революционеры. Левые ли, правые, но революционеры. И в то же время укротители революций: экспансия, борьба за господство с англосаксами, по крайней мере, у Наполеона и Гитлера – это и укрощение революции внутри страны путём её выноса, экспорта за рубежи Франции и Германии. Революционная международная экспансия была, помимо прочего, внешней фазой революции, и её старт означал торможение, затухание внутренней фазы.

В данном случае, однако, интерес вызывает не столько революция сама по себе, сколько тот факт, что начиная с последней трети XVIII в., т. е. когда реально началась борьба за мировое, а не просто европейское господство, только революция в континентальной стране создавала условия для того, чтобы данная страна оказалась способной бросить вызов морскому гегемону и ввязаться в борьбу с ним («а там посмотрим»). Это, помимо прочего, свидетельствует и о следующем. В эпоху доиндустриальной, «ранней» современности, когда борьба в Европе разворачивалась за господство именно в самой Европе, борьбу эту вели монархии – «континенталы» против «островитян». Однако когда войны в Европе и за неё стали функцией борьбы за мировую торговую гегемонию, а островитяне начали уходить в «индустриальный отрыв», их протагонистом мог быть только революционный (или революционно-консервативный), но не традиционно-монархический режим. В условиях подлинно мировой борьбы, когда континенталам нужно было нейтрализовывать разрыв, только социо-

энергетическое, организационное и интеллектуальное преимущество могло предоставить шанс на победу («организация бьёт класс»). На эволюционном пути континентальный претендент исходно не имел никаких шансов, заведомо проигрывал.

Интересно, что в 1941-1945 гг. в мировой войне 1939-1945 гг., на порядки более сложной чем предыдущие, схватились два революционных режима – национал-социалистический, правый гитлеровский и интернационал-социалистический, левый, сталинский. Геополитическая и геокультурная логика мировой капиталистической системы, с одной стороны, и логика поведения трансконтинента России-Евразии по отношению к Европе и миру, с другой, восторжествовала над логикой антикапиталистической борьбы: социалистическая Россия, как раньше самодержавная, сошлась в смертельной схватке с полуостровной державой, оказавшись на стороне островитян.

Революционный трансконтинент (транс континент-революция) самим фактом своего существования объективно вступил в противоречие и с капиталистическим миром **в целом**. Самым острым, плотным и насыщенным **частным** противоречием оказалось такое с Третьим Рейхом, Германией. Противостояние англосаксам, **по крайней мере, ситуационно, в 1930-е годы**, было, если так можно выразиться, более спокойным, эволюционным: противостояние социосистемного порядка (антикапитализм – капитализм) и геоисторического (трансконтинент – океан). В немецком случае к социосистемному и геоисторическому (трансконтинент – полуостров) измерениям добавлялись ещё два, причём весьма острые. Во-первых, речь идёт о противоположно заряженных революционных режимах – левом и правом. Во-вторых, о двух взаимоисключающих геокультурных комплексах – просвещенчески-прогрессистском, универсалистском и антипросвещенческом, партикуляристском (причём на расово-этнической основе). Таким образом, объективные необходимые основания для схватки налицо. Ну а достаточные были обеспечены англосаксонским мастерством стравливания континентальных держав вообще и России и Германии в частности. В 1941 г., в отличие от 1914, стравить, направить друг против друга удалось не две монархии, а две социалистические революции – национальную и интернациональную.

Вывод прост. Практика **мировой** системы показывает: реально бросить вызов гегемону можно только на основе революционной оргперестройки континентального претендента, а затем, чем быстрее борьба переходит в мировое измерение, чем успешнее и активнее ведётся международная перестройка революционным режимом (наполеоновская Франция, СССР), тем больше шансов. Сохранится ли эта регулярность для **глобальной** эпохи, которая должна выдвинуть новый глобальный геоисторический проект (он, по-видимому, подведёт черту под XX в. и Современностью).

* * *

В 1890-е гг. в Англии выходят две книги – М. Шваба и Ю. Уильямса (последняя с красноречивым названием: «Сделано в Германии»), в которых показан бурный экономический рост Германии и относительный упадок Британии. Из книг становилось ясно: мирным, экономическим путём Британии не выиграть в борьбе с Германией, которая из *Grossmacht* стремительно превращалась в *Weltmacht*. Для победы требовалась предельная концентрация всех сил или, как напишет в опубликованном 2 сентября 1914 г. в “*Times*” стихотворении Киплинг «*железная жертвенность тела, воли и души*». Только так можно было компенсировать постепенно нарастающее отставание в экономике. Ну и, конечно, русской кровью – как ранее в войне с Наполеоном, а позднее – с Гитлером.

Самым непереносимым, страшным в росте германской мощи было для англичан то, что немцы наращивали свой морской потенциал. «*Первенство Германии на море не может быть совместимо с существованием Британской империи*» – это слова одного из руководи-

телей английского *Foreign Office*. Показательно признание Ллойд-Джорджа: «*Строительство германского флота в значительной степени вызвало мировую войну*». С ним согласен немецкий адмирал Шеер: из-за строительства германского флота «*Англия почувствовала себя в опасности и увидела в нас соперника, которого следует уничтожить любой ценой*».

Действительно, гонка морских вооружений (с 1889 и особенно с 1904-1907 гг., с «дредноутной революции») привела к тому, что германский военный флот стал самой серьёзной угрозой Британии со времён Трафальгара. И хотя соотношение, например, по дредноутам в 1914 г. было 34:22 в пользу англичан, общий сдвиг был очевиден. А ведь ещё в конце XIX в. казалось, что у Британии нет соперников на морях. Демонстрацией этого стал морской парад в Спитхэде в 1897 г. по поводу «бриллиантового юбилея» королевы Виктории: 165 британских военных кораблей включая 21 корабль первого класса и 54 крейсера. Поэтому, писал накануне Первой мировой войны А. Е. Едрихин-Вандам, главная цель английской стратегии «*состоит в том, чтобы уничтожить торговый и военный флот Германии, отнять у последней её, хотя и бедные сами по себе, но являющиеся своего рода передовыми постами, колонии и нанести ей на суше такой удар, после которого, ослабленная духовно и материально, она не могла бы возобновить своих морских предприятий в течение долгого времени в размерах сколько-нибудь значительных и никогда в теперешних...*

...главная цель Англии состоит в том, чтобы отбить наступление Германии на Океанскую Империю на Атлантическом океане, как было отбито (руками Японии – А.Ф.) наступление России на Тихом».

Германский вопрос стал вопросом сохранения британской гегемонии. И решить этот вопрос, как совершенно верно заметил Е. А. Едрихин-Вандам, путём схватки флотов двух стран на Северном море было невозможно. Требовалась «общеевропейская война». Но где и как организовать такую войну? И Вандам – ещё до её начала – отвечает: на Балканах сложилась взрывоопасная ситуация, и Англия, «*пользуясь огромным влиянием на Балканах и в известных сферах Австрии... будет стремиться к тому, чтобы сделать из этих событий завязку общеевропейской войны, которая, ещё больше, чем в начале прошлого столетия, опустошив и обессилив континент, явилась бы выгодной для одной Англии*». Впрочем, как выяснилось, англичане сработали на другого, заокеанского англосакса, который тоже был заинтересован в общеевропейской войне, чтобы сокрушить империи, включая Британскую.

Общеевропейская война, успешная для Англии, возможна, писал далее Вандам, лишь «*при непременно участии России и при том условии, если последняя возложит на себя, по меньшей мере, три четверти всей тяжести войны на суше*». Иными словами, решающую роль в англо-германской борьбе должна была сыграть Россия, причём на стороне Англии, а не Германии. Почему?

Германия и Россия в начале XX в.: зачатые друзья.

Начать с того, что кроме британско-германских, существовали русско-германские противоречия, прежде всего экономические; Россия была нужна Германии как источник сырья и рынок сбыта; наконец, как пространство. Но дело не только в них.

Если Великобритания опасалась Германии, то Германию всё больше охватывал страх перед Россией. 7 июля 1914 г. канцлер Бетман-Гольвег писал: «*Будущее за Россией, она растёт и растёт и надвигается на нас как кошмар*». Немецкая правительственная комиссия, посетившая Россию во время столыпинских реформ, пришла к выводу: после их окончания, через десяток лет война с Россией будет непосильна, а ещё через десяток лет по промышленному и демографическому потенциалу Россия обойдёт крупнейшие европейские державы вместе взятые.

Я полагаю, что это завышенная и слишком оптимистичная оценка как сама по себе, так и по абстрагированию экономики и демографии от социальной и политической структур. Последние в России начала XX в. имели мало шансов (а с учётом международной ситуа-

ции по сути не имели вообще) эволюционно выдержать тот экономический пресс, усиление которого предсказывали в Европе. Однако в любом случае в Германии нарастал страх перед Россией. Там в начале 1910-х гг. понимали: если воевать с Россией, то уже сейчас, ибо с каждым годом Россия становится сильнее, и через 5-10 лет с этим колоссом не поспоришь. (Подчёркиваю, это вовсе не означало неизбежности немецкого нападения на Россию.)

Те, кто считает, что Россию и Германию в 1914 г. стравили, во многом правы. Однако не надо забывать, что между странами, где правили «Вилли» и «Ники», существовали острейшие экономические и (опосредованно) политические противоречия, сводившие на нет казалось бы естественный союз двух континентальных монархий против англосаксов и фининтерна. Уверен: даже если бы Россия и Германия оказались в союзе, рано или поздно между ними вспыхнула бы борьба, как это произошло в 1941 г. после почти двух лет «дружбы». Континентальной и гиперконтинентальной, каковой была Россия, державам договориться практически невозможно, мечта Хаусхофера о «континентальном блоке» – увы – неосуществима. По крайней мере, до сих пор. И всё же прав А. Дж. П. Тэйлор: противоречия между Великобританией и Германией были намного более острыми, чем русско-немецкие. Россия не была гегемоном капсистемы, на трон которого претендовала Германия, а Великобритания была. При таком раскладе с какой стати России поддерживать «англичанку» – своего главного в течение всей второй половины XIX в. врага? Статья простая, называется – «экономика».

Экономические противоречия с Германией, нараставшие с 1890-х гг., заставили Россию пойти на политическое и экономическое сближение с Францией, чей финансовый капитал пошёл в Россию. В результате к 1914 г. стратегические и внешнеполитические позиции России максимально приблизились к таковым Франции. Франция была тесно связана с Англией. Отсюда вхождение России в «экономико-политический концерн «Антанту» (А. Богданов) и жёсткая экономическая зависимость от противников Германии.

К 1914 г. иностранному капиталу (главным образом французскому, бельгийскому и английскому) принадлежало в России почти 100 % нефтяной промышленности, 90 % добычи полезных ископаемых, 50 % химической промышленности, 40 % металлургической и около 30 % текстильной. В начале XX в. Россия имела самую крупную внешнюю задолженность.

Всё это сводило на нет бьеркский германско-русский оборонительный союз 1905 г., а тесная связь Германии с Австро-Венгрией не оставляла ему никаких шансов. По логике своего положения в кап-системе Россия оказывалась в лагере противников Германии, причём именно ей они отводили главную «военно-смертельную» роль, намного превышавшую её мобилизационные возможности (результат – февраль 1917 г., бездарный Керенский «в розово-смадном огне» и «юный октябрь впереди»).

Расчёты, просчёты, противоречия. Русская сухопутная мощь была одним из двух факторов, которые, как считали англо-французы, позволят разгромить Германию. Второй они видели в финансовой слабости немцев. В Лондоне и Париже полагали: ввиду финансовой неподготовленности к войне и зажатости в кольцо двух фронтов, Германия быстро обанкротится. Вышло иначе. *«Ни один специалист по финансовым вопросам не предвидел, какую силу обнаружит Германия в финансовом отношении...», – писал М. Павлович. – Никто не подозревал, что Германия, замкнутая железным кольцом враждебных армий... будет в состоянии выдержать четыре года войны, технически в поразительном изобилии и с большей роскошью, чем все её враги, вооружить не только свои многомиллионные армии, но и армии её союзников, сначала Австрии, затем Турции, наконец, Болгарии, что она будет в состоянии поставить в момент страшнейшей и невиданной во всемирной истории по напряжению и кровавым жертвам войны всё народное хозяйство на рельсы и спасти страну от экономических и финансовых потрясений, которые могли бы парализовать работу её образцового военного аппарата в первый же год кампании. Можно сказать без*

преувеличения, что эта неожиданно проявившаяся наружу германская мощь захватила врасплох господствующие классы почти всех европейских стран и явилась для них большей неожиданностью, чем пресловутые немецкие победы в войнах 1866 и 1872 гг.».

Что же касается «кольца», то немцы прекрасно понимали, что оно непрочно и его можно прорвать. Так оно и вышло – с помощью гешефтмахеров вроде Парвуса и революционмахеров вроде Ленина. Всё тот же русский фактор, но только революционный.

Бросая вызов уходящей гегемонии Британии, немцы объективно бросали вызов и находящемуся на подъёме, экономически куда более могущественному и обладающему в несравнимо более выгодном геостратегическом положении гиганту – США. По политэкономической логике североатлантического ядра капсистемы гегемония должна была сместиться за океан; по логике системы европейского равновесия гегемоном должна была стать Германия, но для этого ей надо было объединить Европу и таким образом снять проблему европейского равновесия вообще. Здесь, однако, Германия автоматически бросала вызов России.

Россия не стремилась ни в ядро капсистемы, ни к гегемонии в ней, ни к доминированию в Западной Европе, однако сама её **евразийско-континентальная** мощь делала установление гегемонии и равновесия на **европейско-полуостровной** основе крайне сомнительной затеей.

Таким образом, в начале XX в. в острейшее противоречие вступили три логики, три содержательно различные тенденции развития, представленные, к тому же, различными странами и регионами: политэкономическая североатлантическая (кто будет гегемоном в ядре капсистемы, а следовательно и капсистемы в целом); (западно)европейская геополитическая: кто будет держателем единства и хозяином Европы; геоисторическая евразийская, связанная с самим фактом существования России как гиперконтинентальной державы.

Немецкая трагедия начала XX века: борьба за пространство и против времени. Точкой скрещения, столкновения всех этих тенденций стала Германия, всё трагически сошлось на ней, делая её ситуацию почти безвыходной: решение германских проблем было невозможно без решения проблем европейских, прежде всего политического равновесия. А равновесие это в складывающейся мировой ситуации возможно было только как элемент равновесия на мировом уровне. Для того, чтобы решить свои проблемы, Германия должна была решить проблемы Европы, которая вступила в свой закат, а потому проблемы её были неразрешимы, особенно если помнить о растущей мощи США и России. По сути это был европейский тупик начала XX в., из которого Германия (два рейха) пыталась вытащить себя и Европу за волосы, но ценой была германизация, немецкая «железная пята» и «железная воля» над континентом. *Jamais* – естественный и правильный ответ европейцев на такую перспективу. Как заметил когда-то Тютчев, проживший два десятка лет в Германии и любивший эту страну, *«германский гнёт не только политическое притеснение, он во сто крат хуже»*. Именно немцев как объединителей Европы европейцы не желали принимать, предпочитая скорее союз с США или даже Россией. *«Ненависть к немцам как проблема западной культуры»* – так назвал одну из глав своей книги «Европа и душа Востока» немец Вальтер Шубарт, считавший принудительность немецкой общественной жизни с её обилием запретов одной из главных причин неприятия германства теми же англосаксами, да и не только ими. Нет, объединение Европы теми, кто превращает жизнь в рабочий дом, а мир – в темницу долга, в проклятие деловитости было бы трагедией и для европейскости, и для христианства.

Итак, поиск «жизненного (во всех смыслах) пространства», *Lebensraum* приводил необходимость решения этой **немецкой** проблемы в противоречие с Европой, Евразией (Россией) и Америкой, т. е. со всем миром. О роли пространства, *Lebensraum* в немецкой истории XX в. написано много. А вот о чём почти не говорят – это о времени, о «жизненном времени», *Lebenszeit* как о трагической проблеме Германии – не менее трагиче-

ской, чем *Lebensraum*. Геоисторическое время – вот чего трагически не хватало Германии с конца XIX в. Бисмарк, Вильгельм II, Гитлер – все они по сути хрономахи (времяборцы); все они вместе с Германией бежали против времени, **таким** парадоксальным образом пытались настичь и обогнать его. Это проявлялось не только метафизически, в метафизике немецкой истории, но и, так сказать, физически; конкретно второе было проявлением, иллюстрацией первого. Германия запоздала на несколько лет с началом создания подводного флота, а потому не успела развернуть по-настоящему широкомасштабную войну и полностью разгромить противника в 1914-1916 гг., пока у него ещё не было мощной противолодочной обороны; во время Второй мировой войны немцам не хватило не так много времени для создания Фау-2 и атомной бомбы. Опоздали немцы и как объединители Европы, поскольку после Версаля Европа политически слабела и сходила с исторической сцены.

Кстати, это хорошо понимали даже те, кто симпатизировал Гитлеру. П. Дриё Ла Рошель в августе 1944 г. записывает в дневнике: *«Гитлер глуп, как Наполеон. Но надо признать, что ему приходится действовать в куда более трудной ситуации: англосаксонский мир сейчас многократно могущественней, русский мир тоже многократно могущественней. Слишком поздно пришел он в изрядно постаревшую и чудовищно сузившуюся Европу... Поражение Гитлера после поражения Наполеона, Людовика XIV, Карла Пятого, Карла Великого, похоже, доказывает нежизнеспособность Европы. Она будет разграблена и отодвинута на задворки, как коллекция греческих полисов. Аминь»*. Иными словами, по иронии истории, Гитлер сработал на англосаксов и русских, приблизив и оформив закат Европы не в шпенглеровском смысле, а в смысле игры в гольф – закат в лунку Истории, выступив ее Терминатором. И «ледоколом» для СССР и США.

По иронии немецкой истории двухсот лет (1745-1945 гг.), которой можно предпослать эпиграф *«в поисках утраченного времени»*, все усилия немцев, ни к чему не привели – всё или почти всё зря. Бездушный рабочий дом *«как воля и представление»* прогорел.

Время немцев против времени Германии. Итак, стремясь восстановить европейское равновесие путём военно-политического объединения Европы, Германия бежала против времени в международном плане. Не менее, а быть может и более трагичным, было её хроноборчество на внутристрановом уровне. Дело в том, что социальный возраст немцев как нации и Германии как единого немецкого государства, Второго рейха не совпадали. Долгосрочная (*longue durée*) история немцев и среднесрочная или даже краткосрочная история Германии как государства, как Второго рейха, находясь в состоянии борьбы единства и противоречий друг с другом, буквально выдавливали-выталкивали Германию в борьбу за мировое господство, а тот факт, что место гегемона освобождалось, ещё более усиливал это давление.

Послушаем Макса Вебера. Читая лекцию во Фрайбурге в 1895 г. он заметил, что *«объединение Германии было юношеской шалостью, которую совершила нация в зрелом возрасте, и лучше бы, если бы этого не произошло из-за её (шалости. – А.Ф.) цены, лучше, если бы это стало итогом, а не началом мирового господства Германии»*.

Это очень интересное замечание. Во-первых, Вебер фиксирует разрыв (и противоречие) между социальным возрастом немцев как нации – зрелость, и как государства (и, добавлю я, немецкого капитала) – юность. Во-вторых, он подчёркивает, что превращение германских земель во Второй рейх, за которое и так пришлось уплатить высокую цену, становится предпосылкой в борьбе за мировое господство, а не её результатом. Иными словами, сам факт возникновения Второго рейха логически предполагал борьбу «сконденсированных», зажатых в эту геополитическую форму немцев за господство, и эта борьба – условие и цена существования Германии как великой державы.

В то же время, как было ясно ещё Тютчеву, *«между Францией, нависающей над Рейном, и Восточной Европой, тяготеющей к России, есть место для независимости, но не для*

главенства». Штука, однако, в том, что в условиях колониально-капиталистического (имперски-финансово-капиталистического) развития мира в конце XIX в. и немецкого демографического пресса на рубеже столетий «независимость» без «главенства» грозила взорвать Германию изнутри. Вся эта ситуация была обусловлена логикой трёхсотлетней борьбы за власть и равновесие в Европе и столетнего развития промышленного капитализма. Теперь эта двойная логика подталкивала становящуюся всё более зрелой Германию ко всё более жестоким (1870, 1914, 1939) «юношеским шалостям». А как известно, «юношеские шалости» зрелых особ, как правило, мрачны, а то и зловещи и отдают нездоровьем. Прав поэт: *«блажен, кто смолоду был молод»*.

Версаль должен был наказать зрелую нацию за очередную «юношескую шалость» и по идее навсегда лишить её возможностей попытаться господствовать в Европе и мире. Вышло иначе. Хищники-победители, устроившие свой пир на костях побеждённых, унижая и разоряя Германию, делали и словно хотели сделать всё, чтобы состоялась третья попытка. Воистину немцы – один из самых трагических народов, рядом с которым в этом плане можно поставить только русских и евреев. Крайняя степень их *неладности*, принципиальной неурегулированности отношений с пространством и временем, борьба с ними, т. е. с миром вообще часто требовала крайних средств, что приводило к ощущению вины и поиску крайних средств её изживания. Немецкие крайности суть отражение крайних отношений этого народа и его государственности с пространством и временем (что, однако, не снимает ответственность с его руководителей).

Версальская бомба. Версаль был пиром победителей, которые кромсали Миттель-Европу с тем, чтобы она никогда не стала конкурентом победителям в мировой политике и мировой экономике. Австро-Венгрию расчленили так, что сырьевые области и промышленно развитые области оказались разделены государственными границами. И, как знать, возможно не так уж и далеки от истины те, кто считает: если бы Австро-Венгрия сохранилась, Гитлер едва ли пришёл бы к власти в Германии.

Что касается Германии, то Версаль поставил её перед выбором: либо исторический крах, либо возрождение с помощью насилия. Версаль заквасил те дрожжи, на которых вырос национал-социализм и подвёл Германию к пропасти, а мировой кризис 1929-1933 гг. столкнул её туда. Выбраться из пропасти оказалось возможным только с помощью национал-социализма у власти. Однако придя к власти, национал-социалисты немедленно делают ещё одну попытку превратить Германию в последний шанс единой антианглосаксонской, антиуниверсалистской, антилиберальной и в то же время антикоммунистической Европы. И тем самым (опять план блицкрига, который позволит избежать войны на два фронта, опять его провал, опять война на два фронта, опять поражение и опять торжество США – теперь уже вместе не с Антантой, а с Россией/СССР) полностью уничтожают политически самостоятельную континентальную Европу, сработав – по результатам – на США и СССР, которые, как и предупреждал за 130 лет до этого Наполеон, разделили между собой Европу. 2 сентября 1945 г. США и СССР придут к промежуточному финишу того геоисторического марафона, который стартовал 1 августа 1914 г. и, начав по сути уже в 1943 г. (Тегеран), или в 1944 г. (открытие второго фронта) глобальный конфликт между собой.

В 1912 г. Е. А. Едрихин-Вандам был уверен: Германия в грядущей мировой войне потерпит поражение, и тогда начнётся титаническая борьба между Россией и англосаксами, которая заполнит собой всё двадцатое столетие. Вандам оказался и прав, и не прав одновременно. Германия потерпела поражение, но не окончательное, и вышла на второй раунд схватки с англосаксами (при помощи России, кстати). После окончательного поражения Германии история XX в. действительно оказалась заполненной борьбой англосаксов и России/СССР, бросившей англосаксам, капсистеме, Западу самый серьёзный за всю историю их существования вызов. Ирония истории, однако, заключается в том, что сила, создавшая в

России новую систему – большевики, взяла власть в России, когда та была внутривнутриполитически подорвана войной с Германией – ещё один узел, завязавшийся в Первой мировой войне в «смертельном треугольнике».

Борьба за войну и мир, или на пути к 1939 г. Вся вторая половина 1930-х годов – это борьба крупных держав за войну (под видом борьбы за мир) – за то, кто ее начнет, против кого, когда, в союзе с кем; за то, какой будет эта война. В том или ином виде войны в своих целях хотели все. В зависимости от этого и к войне готовились и были готовы по-разному.

Хотел ли войны Сталин? Да, причем, войны мировой – между Германией и западными «демократиями». Хотел – в исторической перспективе, исходя, во-первых, из мировой логики борьбы СССР с «империалистическими государствами» и за победу социализма в мировом масштабе; во-вторых, из геополитической логики трехвековой борьбы за господство в Европе. Иными словами, СССР играл «между» англосаксонскими и германскими хищниками.

Хищниками – не слишком ли сильно, не советское ли пропагандистское клише? Но это не сталинские слова и не оборот из советской пропаганды 1930-х годов. Вот что писал в 1900 г. М. О. Меньшиков: *«Германия и Англия – вот на рубеже XX века торжествующие народности, не только вожди, но и истребители человечества. Наш славянский мир, как и латинский, позади этих хищных рас... Мы неудержимо отстаем в развитии народной энергии и постепенно втягиваемся в сеть англо-германского захвата. Россия еще страшна своей государственной силой... но видимо на всех мировых поприщах уступает белокурому соседу»*. И далее: *«Вдумываясь в тихий погром, который вносит англогерманская раса в остальное человечество, невольно сочтешь грезу современного антихриста – Ницше, грезу о “белокуром смеющемся льве” – не мечтой безумца, а пророчеством грозным и уже осуществляющемся... Среди самих англичан и немцев идет... структурная перестройка, борьба человеческих типов. Один какой-то сильный и хищный тип, по-видимому, поедает все остальные»*.

По-своему, на своем языке Меньшиков очень точно отразил англо-германскую борьбу за господство в капиталистической системе в 1870-1910-е годы, борьбу, которая предполагала определенный отбор определенных социальных, человеческих особей и стай (в виде организаций, партий и т. п.). Ну а формулировка «тихий погром» – просто блеск. Правда, дважды в XX в. погром становился громким, и Сталин, естественно, стремился к тому, чтобы не допустить натравливания Гитлера на СССР, чтобы англосаксы и германцы сцепились между собой и чтобы СССР вступил в этот погром, когда главные противники – Рейх и англосаксы будут ослаблены. Нормальная *«Realpolitik»*, где нет друзей, а только интересы. Сталин по этому поводу мог бы сказать, что логика обстоятельств сильнее логики намерений, а Р. Арон – что есть намерения и есть детерминизм причин (т. е. логика истории).

Мировая война, бесспорно, была в интересах правящей верхушки Великобритании. Цели: упрочение шатающейся империи, всемерное ослабление или – программа-максимум – уничтожение СССР, разгром или максимальное ослабление Германии, а еще лучше обоих государств, для чего нужно стравить их, используя реальные, но вовсе не ведущие непосредственно к войне противоречия, – так же как в 1914 г. Отсюда – британская игра в 1930-е годы.

США – «милый лжец». В мировой войне были весьма заинтересованы США, причём сразу по нескольким линиям. Уже в середине 1930-х годов стало ясно: «новый курс» пробоксовывает (только мировая война выполнила то, в чём потерпел неудачу «новый курс», заметил Луис Галамбос) и, более того, создаёт новые проблемы; результат – кризис 1937 г., когда безработица многократно побилла «рекорды» 1929 г.

У Рузвельта было два пути решения проблем США. Первый – углубление реформ, реальное ограничение капитала, что, однако, означало развитие социального и политического конфликта, поскольку было невозможно без перераспределения факторов (средств)

производства. Какими бы богатыми ни были США, ресурсов, богатства для того, чтобы «овцы были целы и волки сыты», не хватило бы (к тому же государственный долг США составил в 1940 г. 50 % ВВП).

Второй путь позволял избежать острого и опасного конфликта внутри страны, но требовал конфликта – широкомасштабного и вооружённого – за её пределами, т. е. вынесения, экспорта нестабильности и кризиса за рамки США. Только таким образом можно было сохранить социальный мир, социальный контроль и социальное государство в США. Дело было за средством, и оно было найдено – превратить доллар в мировую валюту, «за счёт чего переносить внутренние американские кризисы «наружу», а также снимать их совсем за счёт дальнейшей долларовой экспансии» (Григорьев О., Хазин М. Сценарий крушения доллара в ближайшей перспективе // Распад мировой долларовой системы: ближайшие перспективы. – М., 2001. – С. 36). Однако для этого нужно было сломать изоляционизм части американского истеблишмента и общества, что и позволил сделать очень вовремя, будто по заказу подвернувшийся Перл-Харбор (аналогичным образом через 60 лет взрыв башен-близнецов 11 сентября 2001 г. спасёт доллар, случившись удивительным образом именно тогда, когда это нужно было для спасения экономики США).

Таким образом, уже во второй половине 1930-х годов часть наиболее дальновидных представителей правящего класса Америки нашла средство жизни и развития США за счёт остального мира, средство, которое используется до сих пор. Но ввести его в действие могла позволить только война и только мирового масштаба. Таким образом, США, по крайней мере с 1937 г., нуждались в войне, как минимум, в не меньшей степени, чем агрессивная по сути и особенно по риторике Германия. Другое дело, что геоисторическое и геоэкономическое пространство для маневра у США было больше и правящий слой богаче и опытнее, что и предопределило конкретные формы.

Ещё одним путём для США выхода из кризиса 1937 г. могло стать развитие военно-промышленного комплекса, что, однако, опять же объективно вело к войне. И, наконец, *last but not least*, наиболее дальновидные представители правящего класса Америки понимали, что в сложившейся в мире ситуации США – объективно претендент № 1 на роль нового гегемона. Путь к этой роли лежал прежде всего через ослабление и распад Британской империи в мире и недопущение гегемонии Германии в Европе и Японии – в Восточной Азии (т. е. в Западной Пацифике); конфликт этих стран друг с другом – опять война, желательно подольше и подальше от Америки – решал эту проблему.

Пацифика, или рывок Америки к мировой войне.

У. Черчилль в своей истории Америки («Великая республика») откровенно пишет о том, что США, как и Великобритания, имели очень большие материальные и торговые интересы на Дальнем Востоке и особенно в Китае, и интересы эти формировались в течение нескольких поколений. И вот теперь этим интересам угрожала Япония. Англо-германский конфликт с втягиванием в него СССР, особенно затяжной, или германо-советский конфликт с участием Великобритании в целом облегчал американцам решение своей тихоокеанской задачи.

Как отмечает Д. Рейнолдс, Рузвельт заговорил об опасности всемирной войны с мая 1940 г., а 27 мая 1941 г. назвал идущую в Европе войну «второй мировой», хотя она таковой еще не стала, а была лишь европейской. Как подчеркнул Рейнолдс, американцы стали квалифицировать войну 1914-1918 гг. как мировую только после своего вступления в нее, а войну 1939-1945 гг. – еще до вступления. И он прав, указывая, что сам термин «мировая война» использовался Рузвельтом в качестве тарана, которым он пробивал психологическую стену американского изоляционизма и подогревал воинственность нации.

Итак, путь США к мировому лидерству лежал через войну – с Германией в Атлантике и Японией в Пацифике; так сказать «война двух океанов». Однако 80 % американцев были

против участия США в войне, за изоляционистский по сути курс. Все косвенные свидетельства, а также исследования Ч. Бирда, Дж. Толанда, Б. Стиннета (не свободные от частных ошибок, но убедительные в главном тезисе) говорят о том, что президент Ф. Рузвельт (де-факто диктатор «имперской республики») знал о готовящейся атаке японцев на Перл-Харбор. Знал и не предотвратил, поскольку только так можно было пробить изоляционизм, сломать его. Война с Японией логически вела к войне с Германией. Так оно и вышло. Утром 7 декабря японская авиация, стартовав в две «волны» с шести авианосцев, нанесла сокрушительный удар по американским военным кораблям и самолетам в Перл-Харбор.

8 декабря США объявили войну Японии (Сенат проголосовал единогласно, в Конгрессе – один голос против, Джэнет Рэнкин, голосовавшая когда-то против вступления США в Первую мировую войну). 11 декабря 1941 г. Гитлер объявил войну США – комплект.

И даже если Перл-Харбор случился неожиданно, то это тот случай, который помог подготовленному и словно давно ждавшему его президенту.

Япония, почувствовавшая на рубеже XIX–XX вв. вкус побед над сильными (по крайней мере, внешне) противниками (Китай, Россия), нацелилась на советский Дальний Восток и британские колониальные владения. Советско-германский договор 1939 г. перенаправил вектор ее возможной агрессии в сторону от СССР – на британскую и американскую зоны. И хотя Япония в конце 1930-х годов не обладала очень сильными армией и флотом, внезапность вкуче со скованностью англичан на европейском и иных возможных театрах военных действий могли принести (и принесли) свои плоды. Отсюда – стремление Японии к тихоокеанской (макрорегиональной) войне как части мировой. Но для реализации этого стремления нужна была война в Европе.

Опять Европа. Итак, мы вернулись в Европу. От Франции и Италии 1930-х годов в данном контексте можно абстрагироваться, остается Рейх Гитлера. Хотели ли войны Гитлер и немецкая верхушка, стремились и готовились ли они к ней? О да. Но к какой войне? К мировой? В средне- и, тем более, долгосрочной перспективе – да. В краткосрочной – сомнительно. Говорить, как это делал Гитлер, о мировом господстве, «Тысячелетнем Рейхе» и т. п. можно сколько угодно. Однако есть реальность. Разумеется, в перспективе, создав могучую экономику и мощную армию, Германия Гитлера (или его преемников), подталкиваемая политико-экономическими регулярностями («законами») капсистемы, должна была начать большую войну. Однако в реальности 1930-х годов Германия, Гитлер к такой войне готовы не были. Да и к войне менее масштабной тоже. Потому-то «западные демократии» и преподнесли фюреру в Мюнхене, подталкивая его к войне на востоке, Чехословакию – ее военно-экономический потенциал резко усилил Рейх. Но не для мировой войны. Что касается риторики Гитлера о новом мировом порядке, то она была пропагандой, причём главным образом для внутреннего потребления, рассчитанной на немцев с их специфической психологией («мобилизация нации»), традициями и в значительной степени выдавала желаемое за действительное.

В принципе, Гитлер как любой серьезный и собиравшийся состояться послеверсальский и послевеймарский политик должен был, прежде всего, стремиться к ликвидации уничижительных последствий Версальского мирного договора, и в середине 1930-х годов он в целом эту проблему решил. Тем не менее, во второй половине 1930-х годов Гитлер был способен захватывать в Европе лишь то, что было слабым, то, что плохо лежало, причем только в том случае, если «демократии» подталкивали к этому и закрывали глаза; классика – Мюнхен, т. е. приглашение к агрессии, в конечном счете вышло – приглашение на казнь, точнее – к самоубийству в апреле 1945 г. (разумеется, если Гитлер действительно покончил самоубийством). Гитлер собирался присоединить к Рейху Польшу и готовиться к дальнейшей экспансии. А готовиться, если учесть состояние немецкой экономики и мощь тех, с кем

теперь мог столкнуться Гитлер (слабаки кончились), пришлось бы довольно долго. Однако к Польше Гитлер получил «в нагрузку» мировую войну, – неожиданно для самого себя.

Германия в канун Второй мировой войны.

В 1950-е годы американские экономисты исследовали вопрос о том, насколько Германия была готова к мировой войне. Ошеломляющий успех немцев в 1939-1941 гг. создал у многих впечатление сверхготовности Рейха именно к мировой войне. Реальность была иной, и американские исследования 1950-х показали это (об этом, кстати, свидетельствуют и мемуары Шпеера и других экономических деятелей Рейха). *«Общая картина немецкой военной экономики, – писал о Германии 1930-х годов Клайн Бертон, – не похожа на экономику страны, нацеленной на тотальную войну. Это скорее экономика, мобилизованная для ведения сравнительно малых и локализованных войн и впоследствии реагировавшая на военные события только после того, как они становились непреложными фактами... Для войны с Россией подготовка была более тщательной, но и она прошла почти без напряжения экономики... Вскоре после нападения выпуск некоторых важных типов снаряжения был сокращен в предвидении того, что война скоро окончится... Руководство немецкой военной экономикой было далеко не безупречным. Великобритания и Соединенные Штаты действовали гораздо быстрее...».*

Известный американский экономист Дж. Гэлбрейт подчеркивал, что, вопреки распространенному мнению, именно Великобритания была в 1940-1941 гг. натянутой военной струной, а не Германия, где даже в 1941-1944 гг. не видели необходимости в жертвах в области гражданского потребления. В 1940 г. при экономике с общим объемом производства примерно на 30 % меньшим, чем у Германии, англичане выпускали больше самолетов, почти столько же танков и гораздо больше других бронированных машин. В 1941 г. английское военное производство далеко превосходило производство Германии почти по всем показателям.

Аналогичная картина возникает при сравнении Германии и СССР военного времени. Даже в 1943 г., году сталинградско-курского перелома, Германия обладала большими, как показывают исследования, материальными возможностями, чем СССР, для производства оружия и боевой техники. В 1943 г. Германия получила больше, чем СССР, угля в 3 раза, стали – в 24, электроэнергии – в 2 раза. И тем не менее, за годы войны СССР произвел техники и вооружений в два раза больше, чем Германия. Когда-то меня поразило вывод, который я встретил в одной из работ по истории Великой Отечественной войны: каждая тонна металла, цемента, угля, каждый киловатт электроэнергии, каждый станок и агрегат использовались в советской экономике интенсивнее, чем в германской. В расчете на тысячу тонн выплавленной стали советская промышленность производила в пять раз больше танков и орудий; на тысячу выпущенных металлорежущих станков – в восемь раз больше самолетов по сравнению с германской промышленностью.

Все это – очень серьезная информация к размышлениям об истоках войны в Европе, о причинах и механизме ее превращения в мировую.

Немецкое военное чудо 1914-1916 гг. Германия намного лучше, серьезнее и сильнее была готова к Первой мировой войне (правда, это вовсе не значит, что именно Германия была **наиболее** заинтересованной в войне страной – она и на мирных, экономических парах летела «будь здоров», тесня Англию и вызывая опасения США). И эта готовность была неожиданностью для ее противников. Вот что писал в 1923 г. по свежим следам М. Павлович. *«В войне 1914-1916 гг. Германия обнаружила поразительную мощь. Ни один военный специалист Франции или России не предугадал заранее, даже приблизительно, численность армии, которую Германия с первых же дней войны будет в состоянии поставить под оружие, ни один не предвидел, до каких чудовищных размеров в процессе войны будет доведена эта армия с ее резервами и запасными батальонами для непрерывного пополнения*

колоссальной убыли в действующих на боевых фронтах войсках. Ни один специалист по финансовым вопросам не предвидел, какую силу обнаружит Германия в финансовом отношении, ибо в литературе Двойственного Союза и Англии считалось чуть ли не аксиомой положение о неизбежности полного банкротства Германии прежде других стран в случае длительной финансовой войны ввиду “финансовой бедности” Германии и ее финансовой неподготовленности к продолжительной кампании, особенно по сравнению с такой богатой золотом и накопленным капиталом страной, как Франция. Никто не подозревал, что Германия, замкнутая железным кольцом враждебных армий... будет в состоянии выдержать четыре года войны, технически в поразительном изобилии и с большей роскошью, чем все ее враги, вооружить не только свои многомиллионные армии, но и армии ее союзников, сначала Австрии, затем Турции, наконец, Болгарии, что она будет в состоянии поставить в момент страшной и невиданной во всемирной истории по напряжению и кровавым жертвам войны все народное хозяйство на рельсы и спасти страну от экономических и финансовых потрясений, которые могли бы парализовать работу ее образцового военного аппарата в первый же год кампании. Можно сказать без преувеличения, что эта неожиданная проявившаяся наружу германская мощь захватила врасплох господствующие классы почти всех европейских стран и явилась для них большей неожиданностью, чем пресловутые немецкие победы в войнах 1866 и 1872 гг.»

Немцы имели к началу Первой мировой войны 9388 орудий (из них тяжелые – 3260). Для сравнения: Россия – 7088 (из них тяжелые – 240); Австро-Венгрия – 4088 (из них тяжелые – 1000); Франция – 4300 (из них тяжелые – 200). Немецкая промышленность производила 250 тыс. снарядов в день, англичане – 10 тыс. снарядов в месяц. Поэтому, например, в боях на линии Дунаец – Горлице немцы всего за четыре часа выпустили по русской Третьей армии 700 тыс. снарядов (за всю франко-прусскую войну они выпустили 817 тыс. снарядов). Даже в 1917-1918 гг. потрепанная, уступая в численности вооруженным силам Антанты (10 млн. человек в 331 дивизии против 20 млн. в 425 дивизиях) и перейдя к стратегической обороне, Германия действовала эффективно. Ну а после Брестского мира вообще развернула (21 марта) наступление в Пикардии и вела его до середины 1918 г., пока в Марнском сражении Антанта не добилась перелома.

В середине 1930-х годов, при всем внешнем блеске, внешней военной мощи, положение Германии было иным, чем за 20 лет до этого, и в серьезной войне (и то вынужденно) ставить на успех немцы могли только на основе блицкрига. И им это почти удалось. Но сделать шаг от почти до совсем, как это часто случалось с немцами в их истории, не удалось (причины отчасти объяснил задолго до мировых войн XX в. Николай Лесков в гениальном рассказе «Железная воля»).

Германия (правда, с Австро-Венгрией, но это незначительная добавка) в 1914 г. превосходила как Россию и Францию вместе взятые, так и Великобританию в отдельности по доле в мировом промышленном производстве, по общему промышленному потенциалу и по потреблению энергии; по производству стали она превосходила все три страны вместе взятые. В своей знаменитой книге «Взлет и падение великих держав» П. Кеннеди приводит следующие цифры. По военным расходам и общим затратам на мобилизацию Германия превзошла США (19,9 млн. долл. против 17,1 млн. долл.) и лишь немного уступила Великобритании (23 млн. долл.) (для сравнения: Россия – 5,4 млн. долл., Франция – 9,3 млн., Австро-Венгрия – 4,7 млн.).

Ситуация 1930-х годов. В 1930-е годы ситуация изменилась. С 1929 по 1938 г. доля Великобритании в мировом промышленном производстве снизилась с 9,4 до 9,2 %, Германии – увеличилась с 11,1 до 13,2 %, СССР – увеличилась с 5 до 17,6 %, США – снизилась с 43,3 до 28,7 %. При этом в 1937 г. США из национального дохода в 68 млн. долл. тратили на оборону 1,5 %, Великобритания из 22 млн. долл. – 5,7 %, Германия из 17 млн. долл. – 23,5 %,

СССР из 19 млн. долл. – 26,4 %. Относительный военный потенциал держав в том же 1937 г. оценивался так: США – 41,7 %, Германия – 14,4 %, СССР – 14 %, Великобритания – 10,2 %, Франция – 4,2 %.

Все это говорит о том, что за период с 1913 по 1939 г. Германия существенно отстала от США – своего главного соперника в борьбе за гегемонию в капиталистической системе, и новая мировая война **теоретически** могла быть крайним средством не допустить увеличения разрыва – по крайней мере, к такому выводу приходят многие западные исследователи в объяснении конкретного механизма возникновения последней мировой войны. Однако, как я уже говорил, исследования показывают: именно к мировой войне в 1930-е годы Германия не была готова и воевать всерьез после захвата Польши не собиралась.

Чтобы тягаться с англосаксами за мировое господство, немцам нужен был тыл – так же, как Наполеону в начале XIX в. И так же, как Наполеон в начале XIX в., Гитлер в конце 1930-х годов не был уверен в прочности все того же тыла под названием «Россия». При этом положение Гитлера было хуже положения Наполеона: захват русскими нефтеносной Южной Буковины (ее вхождение в состав СССР выдвигалось Сталиным в качестве одного из условий присоединения СССР к антикоминтерновскому пакту; в декабре 1940 г. во время визита в Берлин Молотов еще раз настойчиво поднял вопрос о Южной Буковине) обездвжило бы немецкую технику.

Советский удар был вполне возможен, а воевать на два фронта Гитлер не был готов. Единственным решением этой дилеммы был блицкриг. Поэтому-то Гитлер вполне рационально и ставил на него, понимая, что другого шанса в войне на два фронта по сути нет и что можно в любой момент получить удар в спину от Сталина. И сам же, кстати, эту рациональность нарушил, потеряв темп во время последовавшего за Смоленским сражением наступления на юг. Плюс, конечно, низкий русский поклон сербам, восстание которых заставило Гитлера перенести срок нападения на СССР с 15 мая на 22 июня; эти 38 дней, «спроецированные» на осень-зиму 1941 г., дорогого стоят.

Я не буду вдаваться здесь в споры о том, готовил ли Сталин войну против Германии и собирался ли первым нанести удар – это отдельная тема и особый разговор. Ограничусь следующим. Как трезвый политик Сталин должен был не только думать о войне с Германией и готовиться к ней, но думать именно об упреждающем, превентивном ударе, о том, чтобы нанести удар первым. Как трезвый политик Сталин также не мог не понимать, что в случае победы над Англией следующей жертвой (в Евразии) усилившегося Рейха будет СССР и не надо ждать, когда Германия добавит к своему английский экономический потенциал. В такой ситуации нельзя было не думать о первом ударе. Но дело здесь не только в тактике и стратегии. СССР и Германия рано или поздно (и уж тем более в случае победы Германии над Англией) должны были столкнуться в соответствии не только с геоисторической (геополитической) логикой, но и в соответствии с логикой борьбы социальных систем – капиталистической и антикапиталистической (коммунистической). Столкновение произошло в 1941 г., и это существенно изменило социальное качество последней мировой войны, придало ей доселе невиданные черты и особенности.

Поскольку Германия не была достаточно готова не только к мировой войне, но и к войне с серьезным противником класса СССР, Британской империи или США, те, кто либо хотел такой войны, пока Рейх еще слаб, либо стремился подтолкнуть Гитлера к войне на западе или на востоке, должны были создать у него впечатление об успешной возможности такой войны, подтолкнуть к ней, завлечь в нее. В этом смысле так называемая политика «умиротворения» (*«appeasement»*), которую проводили по отношению к Гитлеру «западные демократии» и символом которой стал Мюнхен, отнюдь не во всем была проявлением абсолютной слабости и недалекости. Вместе с этим, то был и в определенной степени рассчитанный курс на создание у Гитлера впечатления, что возможна легкая победа при

невмешательстве западных демократий (к тому же, как уже говорилось, с Чехословакией ему передавался в дополнение к немецкому мощный военный потенциал, в котором так нуждался Рейх), впечатление, что Запад все проглотит. Но когда Гитлер проглотил англосаксонскую наживку, оказалось, Англия заняла неожиданно жесткую позицию по Польше, и локальное мероприятие Адольфа Алоизовича обернулось не еще одной маленькой победной войной, а мировым конфликтом. По-видимому, так и было задумано. Собственно, так же было задумано и исполнено в случае с мировой войной 1914-1918 гг., когда Англия создала у немцев впечатление, что не вмешается в войну на стороне Франции и России. Ай да англосаксы, ай да сукины дети, заставили Германию дважды наступить на одни и те же грабли.

Ошибки, глупость и... их системное программирование в истории. Разумеется, все не так просто и не все так просто. Помимо планов и расчетов хватало ошибок, глупости, трусости, равнодушия, которые очень часто упускаются из виду историками и аналитиками. *«Роль ошибки, легкомыслия и просто глупости, – пишет Л. В. Шебаршин, – никогда не учитывается в анализе политических ситуаций. В материалах расследований, отчетах, публицистических статьях, научных трудах логика и разум вносятся туда, где господствовали неразбериха и некомпетентность, отмечается элемент случайного, все события нанизываются на железный стержень рациональной, злой или доброй, воли. В жизни так не бывает».* Иными словами, как гласит один из законов Мерфи, не ищи злого умысла там, где достаточно глупости. Впрочем, в жизни не бывает и так, чтобы всё или большая часть объяснялось глупостью и просчетами. Более того, умысел очень неплохо упрячется в глупость, халатность, чрезмерное усердие. И это еще более усложняет задачу историка. Вот пример роли непоследовательности и просчета.

Г. Манн пишет, что как только Гитлер пришел к власти, польский полудиктатор Пилсудский обратился к французам с предложением раздавить возникающую опасность в зародыше (как раздавить – ясно), и нужно сказать, что это было вполне выполнимо. Французы сначала колебались, однако после первой же «мирной речи» Гитлера отказались от силового решения. В результате, заключает Манн, уже в 1933 г. оформилась модель поведения европейских держав во всех дипломатических кризисах 1933-1939 гг.: если одна держава (Франция, Польша, Британия и Россия) были готовы действовать, то остальные – нет, а инициатор не хотел браться за решительное дело в одиночку; результат – готовность всех европейских держав к односторонним соглашениям с Германией.

Такая обстановка, естественно, была благоприятной для действий Гитлера, но она же и убаюкивала его, создавала уверенность в безнаказанности, а это лучшая западня – здесь и играть специально не надо, все играет как бы само. В конце концов, Гитлер начал локальную войну, которая, благодаря поразительному, но столь часто встречающемуся в истории взаимоналожению глупости, ошибок, долгосрочных планов и хитрых комбинаций серьезных игроков, стала прологом мировой. А такую войну Германия объективно не могла выиграть – не было ни ресурсов, ни экономического, ни военного потенциала. Иными словами, Гитлера подтолкнули к войне, к которой он не был готов и потому не мог выиграть.

О том, что Гитлер не готовился не то что к мировой, но просто к серьезной войне, не думал об этом (хотя в среднесрочной перспективе, несомненно, готовился к широкомасштабной агрессии – и подсекли его вовремя), свидетельствует его поведение летом 1939 г. Альберт Шпеер вспоминает, что Гитлер был убежден: после мюнхенской капитуляции Запад проявит уступчивость и в случае немецкой оккупации Польши, английский генштаб убедит свое правительство не ввязываться в бесперспективную войну с Германией.

Объявление Англией и Францией войны застало Гитлера, который, как отмечают исследователи, в 1939-1941 гг. практически не использовал в выступлениях термин «мировая война», врасплох, и он растерялся. Правда, он пытался утешать себя и свое окружение тем, что «демократии» объявили войну для сохранения лица, не всерьез, а потому приказал

вермахту держаться оборонительной тактики (отсюда, например, запрет немецким подлодкам атаковать французский корабль «Дюнкерк» и ряд подобных распоряжений). Все изменилось, однако, после бомбежки британцами Вильгельмсхафена и гибели «Атении» – Гитлер понял, что это война, война серьезная и с серьезным противником. После этого, пишет Шпеер, Гитлер *«на время... явно утратил успокоительный облик никогда не ошибающегося фюрера»*. Только теперь до Гитлера дошло, что он начал **мировую** войну. Так к мировым войнам не готовятся и так их не начинают. Ну а решение полностью подчинить экономику Германии военным целям, Гитлер (как показывают исследования) принял только в конце 1941 г., после неудачи блицкрига, после того, как в России *«немецкая военная организация не выдержала суровой зимы»* (А. Шпеер) и, добавлю я, усилий *«русского Бога»*, роль которого успешно выполнили советская организация фронта и тыла и русский солдат.

В случае с Польшей Гитлер, похоже, заглотнул не только западную наживку, но и советскую. Грязный трюк? Нет, грязный мир большой политики, где нет морали, но только сила, хитрость и интерес. Августовский договор между Германией и СССР, конечно, развязывал Гитлеру руки в отношении Польши. Сталин, однако, сделал ход, который, помимо прочего, навсегда похоронил возможность в будущем обвинить его в развязывании мировой войны: советские войска были введены на польскую землю только тогда, когда Польша перестала существовать как государство. **Вся** вина теперь ложилась на Гитлера.

По иронии истории, единственный в ту эпоху руководитель крупного государства, не готовый по-настоящему к мировой войне, – Гитлер, начал ее. По иронии истории, единственный крупный государственный деятель эпохи, который **на данный момент** не хотел (естественно, не по причине миролюбия, а из-за недостаточной готовности) **мировой** войны, начал ее – и оказался единственным виновником, тогда как желавшие (по разным причинам, с разными целями и в разной временной перспективе) именно мировой войны Черчилль, Рузвельт, Сталин выступили как борцы с агрессором, с угрозой нового мирового порядка, мирового Рейха. И произошло это не столько потому, что историю пишут победители, сколько потому, что именно вышеназванное трио – «тегеранская тройка нападения» – оказались политиками мирового масштаба, виртуозами мировой шахматной, карточной и т. д. игры, а неудавшийся художник из Вены (с кем за один стол играть сел, бос та?) так и остался, пусть талантливым, но провинциальным по сути политиком, политиком в лучшем случае странового уровня, хотя и харизматическим лидером, фюрером, пустившим судорогу в народы всего мира и заставившим их трепетать. В этом – тотально-личностном (будь то монархия или революционная по происхождению харизма) характере лидерства континентальных деятелей, с одной стороны, и их неадекватному пониманию мира, построенного на господстве островного принципа и возникшей на его основе военно-социальной машины и заключалось главное противоречие деятельности великих континентальных вождей, а также причина «блеска» подъема и «нищеты» геисторического финала, неизбежность которого определялась и таким фактором как Россия.

Именно страновым или, в лучшем случае, локально-европейским уровнем и ограничились реальные успехи Гитлера. Ненавидевший Гитлера как француз, еврей и либерал Раймон Арон написал, тем не менее, в своих «Мемуарах», что если бы Гитлер умер в сентябре 1938 г., то он остался бы одним из величайших деятелей немецкой истории, поскольку сделанное им (ликвидация безработицы, перевооружение, создание Великого Рейха, мирное присоединение Австрии и Судет, дипломатическая победа над западными демократиями в Мюнхене – и все это через какие-то 20 лет после тяжелого и позорного для Германии Версальского мирного договора) явно превосходило достижения Бисмарка.

Первая «пятилетка» национал-социализма у власти продемонстрировала немцам, пережившим поражение в войне и веймарский полухаос, его практическую эффективность. Причем настолько, что Ф. Нойман, автор «Бегемота» – одной из лучших книг о нацио-

нал-социализме, рассуждая о возможности победы над ним, отметил следующее. Национал-социализм можно победить либо военным путем, либо на идейно-политическом, психологическом поле боя. В последнем случае, однако, писал Нойман, потребуется такая система политических идей, которая, будучи столь же эффективной (я бы добавил: в Германии, поскольку национал-социализм как конкретная система теории и практики была адекватна поствеймарской Германии, но в такой степени едва ли кому-то еще в Европе 1930-х годов), как и национал-социализм, не приносила бы в жертву права и свободы человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.